

фантастическая
история

Александр Башибузук
Страна Арманъяк.
Бастард

€ ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

Александр Башибузук
Страна Арманьяк. Бастард
Серия «Страна Арманьяк», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9522114
Страна Арманьяк. Бастард: Фантастический роман: Альфа-книга; Москва; 2015
ISBN 978-5-9922-1924-1

Аннотация

Не обладаешь знаниями по истории? Ничего не смыслишь в физике, химии и механике? Умеешь только твердо держать в руке клинок? Добро пожаловать во Францию пятнадцатого столетия!

Попавший под грузовик тренер сборной страны по фехтованию возрождается в теле бастарда Жана д'Арманьяка, виконта де Лавардан и Рокебрен, внебрачного сына графа Жана V д'Арманьяка, одного из последних феодальных властителей божьей милостью, а не милостью короля Франции. Отец убит, мать в монастыре, родовые земли захвачены королем Франции, на бастарда объявлена охота. Что делать главному герою в Средневековье, не имея достаточных для прогрессорства естественно-научных и исторических познаний? Бастард решает с головой окунуться в эпоху и добыть себе славу единственно возможным способом: твердой рукой и клинком.

Содержание

От автора	4
Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	31
Глава 5	42
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Александр Башибузук

Страна Арманьяк. Бастард

От автора

Я писал эту книгу с удовольствием, почти с таким же, с каким в юности сам зачитывался рыцарскими романами. XV век. Время, когда государство еще не представляло собой безликую машину, а персонифицировалось выдающимися людьми, титанами Ренессанса. Эпоха, в которой еще не умерли такие понятия, как рыцарство, честь, долг и любовь, — не может не восхищать, несмотря на то что порой она была жестокой и в ней случались предательство и подлость. Но... она не более жестокая, не более подлая, чем наше время. Всегда и во все времена тяжело было жить человеку, попавшему в жернова истории.

Толчком для моего обращения к этой теме и этой эпохе стал роман Дмитрия Старицкого «Фебус. Принц Вианы», открывший для меня волшебную страну Гасконь. И мне захотелось поделиться с вами, мои читатели, своим восхищением людьми, ее населявшими. Зуд в пальцах отличает писателя от всех остальных людей. Я сел за клавиатуру и... сам не заметил, как написал весь роман.

По традиции я хочу выразить свою признательность писателям Игорю Негатину и Дмитрию Старицкому за то, что они открыли для меня свои творческие лаборатории, откуда я щедро черпал опыт старших товарищей по цеху.

Глубокую благодарность я приношу кандидату исторических наук Юрию Дмитриевичу Борису за его неоценимые исторические консультации.

А также редакторам этой книги за то, что они так старательно возились с моим несовершенным текстом. В книге, которую вы только что сняли с магазинной полки, есть и их труд.

Пролог

– Что хотела? – Звонок жены, как всегда, оказался не вовремя.

– Нам надо поговорить.

Женушка в своем амплуа. Невообразимо печальный голос, сдобренный почти наполовину страданием. Денег просить будет, как пить дать...

Ах да... она уже пять лет как бывшая женушка, но каким-то удивительным образом я не могу думать о ней как о бывшей, она всегда настоящая; так сказать, крест, который я несу и буду нести. Я удивительно легко схожусь и расхожусь с женщинами, но Людка осталась у меня в сердце вечной занозой. Без каких-либо шансов от нее избавиться.

– Я за рулем... – Зараза!.. Крутанул руль и едва ушел от «крузака», вздумавшего устроить обгон через две сплошных. – Давай завтра... или послезавтра.

– Тебе все равно... Ты наплевательски относишься ко мне, тебе наплевать на дочь, тебе наплевать на всех кроме тебя... – У жены прорезались визгливые нотки в голосе...

М-да, так и не поменяла она свой репертуар, а пора бы, сейчас эти истерики ничего, кроме дикой злости, не вызывают.

– Я-за-рулем... твою мать!.. – прорычал я и бросил телефон на сиденье.

Да что за день сегодня такой... Сначала в федерации все мозги высушили, теперь Людка... Да задрали, уроды!

Принял вправо и остановился на обочине. Нашарил в бардачке пачку «Житана», щелкнул зажигалкой...

Опять заверещал телефон. Мельком глянул... Ага, опять Плеханов...

– Да, Михаил Иванович...

– Сань, ты подумал?

– Да, Иваныч.

– Так что, едешь?

– Нет.

– Вот объясни мне на русском языке, почему? У тебя что, бабло мешками валяется?! – Мой собеседник – председатель федерации спортивного фехтования – последние слова проорал в нешуточной ярости.

– Нет, не валяется... – Я постарался голос не повышать, все равно бесполезно: Иваныч всегда слышит только себя и возражений не принимает никогда. – Я тебе сегодня все уже сказал, – произнес спокойно и отдельно.

– А ты повтори... Потому что я отказываюсь понимать этот бред.

– Я доведу Жихарева до чемпионата и возьму с ним золото; если я сейчас уйду, парень не подготовится и медаль уйдет венграм.

– Да начхать мне на медаль, мне сейчас из министерства звонили, а им начхать на меня, а мне начхать на твой идиотизм. Арабы сидят у меня в приемной. Ты сейчас приедешь и подпишешь контракт; если ты его не подпишешь, я снимаю тебя со сборной... Ты меня понял? Ты будешь тренировать этих гребаных арабов и если надо, то и по деснам станешь лупиться со всеми их шейхами...

– А не пойдешь ли ты, Иваныч... к шейхам. – Отрубил телефон и опять закинул его на сиденье. – Гребаные уроды! – со злостью выкрикнул в лобовуху и двинул по рулю.

Зачем мне такое счастье... Манал я этих арабов вместе с их Катарями. Бабки, конечно, совершенно неприличные получают: вот втемяшилось в голову сыну короля сделать свою команду чемпионами мира – и хоть кол на голове теши. Ладно... Кажется, все верно делаю: еще побыкую чуток и, глядишь, в контракте лишний нолик прибавится.

Опять запиликал телефон. Да что же это такое...

– Я уже все сказал! – заорал в трубку.

– Александр Вячеславович, вам необходимо срочно прибыть в министерство, на пятнадцать ноль-ноль у вас встреча с министром; вы меня слышите? – сообщил мне совершенно спокойный женский голос.

А вот это уже серьезно. Если Иваныча я могу послать, то министра... м-да... кажется, с лишним ноликом не сложится...

– Я буду.

– Пожалуйста, не опаздывайте...

– Не буду... – Рванул с места – и одновременно с истошным воем гудков увидел несущуюся на меня морду громадного грузовика...

Глава 1

... Темнота, расцвеченная сверкающими звездочками, вдруг резко исчезла, сменившись режущим светом, тупой болью, пронизывающей голову, и чьими-то мягкими, нежными и сухими губами у меня на щеке...

– Да что за... – Открыл глаза и увидел пофыркивающую лошадиную морду.

Лошадь?

Конь?

Кобыла?

Нет... Жеребец.

Что за нафиг?

Где это я?

Коняка, увидев, что я пришел в себя, радостно фыркнула и опять полезла слюнявить лицо.

– Фу... тьфу ты... отстань, – попытался отодвинуть ее морду – и уставился на свою руку в...

Мама дорогая... на ладони была надета самая настоящая латная перчатка.

– Что за... – Глаза поневоле опустились ниже и разглядели всю руку, обтянутую кольчугой с наручами...

И белый балахон с вышитым на нем каким-то гербом. А под ним...

Черную, с золотой насечкой, составную кирасу...

И широкий кожаный пояс, украшенный узорными бляхами...

И торчащий эфес с круглой причудливой чашкой...

И высокие ботфорты из рыжей замши...

Господи... на них золотые шпоры!

Шпоры?

Когда?.. Когда я успел заявиться в клуб к реконструкторам и нажраться там вусмерть с Денисом?

Стоп... Какой клуб? Какой Денис? Я же...

Где моя машина?

Где урод – водила грузовика? Задницу наизнанку выверну...

Пошарил глазами вокруг...

Дубовая поросль, ручеек журчит между покрытыми зеленым мхом камнями, и здоровенная оседланная вороная коняка с притороченными к седлу сумками и вьюками. Моей «Витары» и тем более грузовика с уродским водилой не наблюдалось.

Что за черт?

Голова не просто болит, а раскалывается. Нашупал ссадину на лбу, всю в засохшей крови и... И слипшиеся от крови волосы...

Волосы?

Уставился, скосив глаз, на черную, без седой волосинки, длинную волнистую прядь...

Да что за черт, у меня уже лет пять как волос на голове не наблюдается! Все, что еще растет, безжалостно стригу под ноль...

Попытался вскочить и запнулся о длинную шпагу в кожаных, окованных железом ножнах. С лязгом многочисленных железяк шлепнулся на колени и в лужице воды увидел молодую физиономию в обрамлении шикарной шевелюры...

– Мама... – в ужасе жалобно прошептал и еще раз притронулся ко лбу, сразу заорав от боли. – Твою же душу в качель... не сплю же...

Надо позвонить!

Полез в карман... и не нашел кармана... Вместо него – какие-то хреновины на обтягивающих штанах в виде... в виде... память услужливо высветила актера Домогорова из сериала «Графиня де Монсоро»... там на нем примерно такие же колготки были надеты.

Потянул из ножен тесак с закрывающей руку причудливой чашкой. Сантиметров сорок будет, обоюдоострое узкое граненое лезвие, память опять услужливо подсуетилась – «дага», и сразу вспомнилось второе слово: «эспада». Тренер по фехтованию я или кто? У меня дома на стене такие висят: дага – моя гордость, старинная, а эспада – новодел, но качественный. Подарили в Кастилии, когда был там на соревнованиях...

Подтянул к себе эспаду... она и есть. Тяжелая, длиной сантиметров восемьдесят пять, можно рубить и колоть, на чашке причудливо изогнутый захват... золотая чеканка... россыпь мелких камней, и главное... полный аутентик, хрен спутаешь... мечта Портоса.

– Тьфу, бред какой-то...

Еще раз посмотрелся на себя в лужу...

Парень лет двадцати пяти, с длинной брюнетистой шевелюрой и ободраным лбом. Не то чтобы красавец, но и явно не урод, морда волевая, нос зачетный, горбатый и длинный, можно даже сказать – тоже волевой. В воде отражался белый балахон, стянутый в поясе ремнем. На балахоне вышитый герб в виде геральдического щита со вздыбленными львами по всем его четвертям. А под балахоном еще кираса... Или панцирь? Никогда в доспехах особо не соображал, вот в оружии – совсем наоборот...

«Составная кираса», – опять подсуетилась память. Да откуда я это знаю?

Под кирасой – кожаный камзол... Да не камзол, а колет, под колетом белая рубаша из довольно грубого по современным меркам полотна, тоже полный натурэль... На шее тяжелая золотая цепь с массивным крестом и вторая цепь, тоньше и изящнее, с какой-то ладанкой.

Штаны... вернее, колготки... шоссы и пuffy... Да, это пuffy, и ботфорты чуть ли не до паха, да еще под коленом ремешком стянуты...

Да что за карнавал, едрена вошь, и почему у меня морда юнца, а не сорокалетнего нормального мужика? Тут поневоле в чертовщину всякую поверишь...

Присел на валун и задумался...

Я тренер сборной страны по сабле... Должен был подписать контракт с федерацией Катара... Выкореживался, набивая цену, и не подписал, за что был серьезно вздрючен председателем нашей федерации и вызван на ковер к министру для вздрючки на более высоком уровне...

А потом?

В памяти ясно отпечатались мощная решетка радиатора грузовика, летящая мне навстречу...

Ну... получается, потом я умер...

Вздыхнул свежего, такого вкусного пряного воздуха...

Да нет, не умер.

Встал и несколько раз присел... бодренько так присел; отлично... только лоб болит, да долбаные колготки в зад врезаются...

Зачерпнул из ручья воды и промыл лицо.

Ерунда, кожа расцарапана да шишка порядочная, сотрясения вроде нет... подобрал с травы малиновый берет с пучком павлиньих перьев. Надо же, как авантажно... берет с перьями; насколько помню, пейзажи в Средние века головные уборы другие носили... Значит, не пейзаж, слава богу.

Ну ладно, там я погиб, а здесь что со мной случилось, да и кто я?

– Слышь, коняка, а я кто? – поинтересовался у коня, норотившего поймать губами мое ухо.

Жеребец всхрапнул и закивал головой.

– А мог бы и подсказать, Роден. – Бесстрашно протянул руку и потрепал коня по морде.

Роден! Роден... похоже, из моей памяти отрывками все-таки прорываются какие-то воспоминания...

– Так ты – Роден?

Жеребец согласно кивнул, всхрапнул и полез губами в лицо...

– Но, не балуй...

Получается... получается, меня каким-то загадочным образом занесло не пойми куда, да еще и вселило в чье-то тело... И как это? Там помер, а здесь ожил. С одной стороны, прикольно, а с другой... да что за черт, чешется же все.

Содрал перчатку и потер шею... м-да... да ты, братан, минимум месяц не мылся. Вот это не очень... мыться срочно... да и переодеться не мешает...

– Давай, Роденушка, посмотрим, что у тебя в сумках. – Взвесил в руке тяжеленный шлем, притороченный к седлу, похожий на спартанский, только без гребня и творчески переработанный.

М-да... барбют называется, всплыло название... не мои это знания, я сроду в доспехах и всяких там латах особо не разбирался. Это память старого хозяина тела, скорее всего, подсказывает.

– Слушай, братан, подсказывай давай все и сразу, а не порциями... – обратился внутрь себя.

Оттянул тугую бронзовую пряжку на чересседельной сумке и разложил все содержимое на травке, затем проделал ту же процедуру со второй. Отвязал выюк позади седла.

Ну, что у нас есть...

Развязал шнурок на тяжелом мешке... вот это я понимаю. Повертел в руках маленький золотой кружок с выбитым на нем мужиком на коне и с мечом. Золото. В мешке килограмм, не меньше, это сколько же в долярах будет?

– Окстись, придурок, – рявкнул на себя в голос, – какие доллары?! Нет, надо срочно определяться, куда меня занесло и, главное, в кого...

Память услужливо подкинула название монеты – конский франк...

И тут я внезапно понял...

Это не сон...

Это не шутка...

И я не брежу и определенно не свихнулся...

Внезапно накрыло ощущение полной беспомощности и дикого ужаса; так накрыло, что я сел на камень и впал в мрачное уныние, отказываясь понимать все, что случилось со мной. Это в книгах про попаданцев бравые парни моментом вписываются в жизнь и, вооруженные массой знаний, переворачивают все в истории с ног на голову.

А я?

Судя по надетым на меня доспехам – Средние века. Главный источник знаний про Средние века у меня – книги Александра Дюма... И все. Разве что еще Вальтер Скотт.

Больше же ничего не знаю. Совсем ничего...

Не врач я...

Не ученый...

Не гениальный полководец...

Не инженер...

Не химик... твою же мать, я даже не имею ни малейшего представления о составе пороха, который, судя по книгам, на зубок знает любой приличный попаданец!

Я не знаю истории! Совсем!

Я умею только фехтовать.

Да, черт возьми, я это только и умею, но... умею фехтовать современной спортивной полукилограммовой саблей, которой даже при всем желании барана не зарубишь, а здесь мечи должны быть тяжеленными: вон только моя эспада больше кило весит...

Куда не ткнись, везде...

Состояние рассудка с каждой секундой становилось все плачевнее, я моментами впадал в дикую ярость, злой на весь мир, проклиная судьбу и неизвестные силы, сыгравшие со мной такую пакостную шутку. Ярость сменялась диким унынием, когда рука сама тянулась к кинжалу – прекратить всю нелепость моего положения. Я действительно не знал, что делать. Несмотря на мою обертку из этого мира, я остался тем, кем был, и не видел никаких перспектив для выживания. Не радовало даже молодое и сильное тело... твою же мать, здесь же, судя по крошкам моих знаний, тут даже зубы рвут кузнецы, а люди не моются никогда! Добавим чуму, тиф и всякие дизентерии...

Я не знаю, сколько просидел, занимаясь самобичеванием, но, как ни странно, привел меня в чувство голод; банальный голод и зуд давно не мытого тела.

Солнце, весело пускавшее зайчики через прорехи в листве, ушло к горизонту. Стало немного прохладнее.

– Сдохнуть? – спросил я сам себя и повертел страхолюдную дагу. – Вот взять и заколоться этой железкой...

Но, несмотря на полное уныние и упадочническое настроение, этот вариант не привлекал. Жить хотелось. Жить и пользоваться всеми благами жизни и молодого, полного сил тела... Да и чума с тифами не так страшны...

Заурчало в животе. Вспомнил, что сегодня вечером собирался в испанский ресторанчик с Юлькой Сенчиной, тренером молодежи...

Не-э-эт... сдохнуть я всегда успею. В данном периоде истории это как раз совершенно не трудно. По крайней мере, сначала надо набить чем-то пузо.

Вытащил и расстелил на траве темно-зеленый плащ из плотного сукна и на него вытряхнул все содержимое сумок.

Сразу отсеял все несъедобное в сторону, развернул несколько свертков из грубой, но сравнительно чистой холстины и подвинул к себе полный кожаный бурдюк.

Выдрал пробку, нюхнул, затем влил в себя несколько полновесных глотков...

Вино! И неплохое вино. Терпкое, с приятной кислинкой, с миндальным послевкусием. Поискал современные аналоги и не нашел... Но хорошее вино, черт побери!

Да, именно, черт побери.

Судя по фильмам, у дворян... а я надеюсь, судя по золотым шпорам, что я дворянин, – это самое распространенное ругательство. Значит, не будем выпячиваться из эпохи.

В свертках оказалось несколько приличных ломтей копченого мяса и сыра. По паре головок лука и чеснока, пучок незнакомой мне зелени с пряным запахом и в завершение – большая булка слегка черствого, но чертовски вкусного сероватого хлеба.

Ну-ка... мясо пахнет какими-то специями и копченостями, вроде свежее... червей, по крайней мере, не наблюдается.

Набил полный рот и даже замычал от наслаждения. Сыр вообще оказался похож на божественный нектар. Не остановился, пока не умял треть припасов. Уже лучше... И всякая ерунда в голову перестала лезть. Воистину желудок у мужиков прямо связан с мозгами.

С насыщением пришло почти благостное настроение. Порылся в вещах и выудил мешок с запасным бельем и одеждой. Сразу зазудело немытое тело, и я обнаружил, что содрать с себя винтажные, приличествующие эпохе одежды – не самое простое дело.

Снял пояс с оружием, стянул котту через голову; как подсказала память, балахон этот назывался коттой. Панцирь-то и остальное железо снять оказалось просто: лишь расстегнул замки и пряжки и отложил в сторону.

А вот дальше... Дальше дубы слышали много нелестного про средневековых модельеров... Зараза, ну как можно изобрести штаны из трех... вру, гюльфик забыл, – четырех частей... Сука, где вы, Сен-Лораны и Гуччи?..

Не знаю, что мне больше помогло: мат или дикое желание помыться, но, повозившись, я разделся и полез в ручей, с ужасом понимая, что рано или поздно мне придется одеваться.

Ни мыла, ни мочалок и тем более шампуней в припасах я не обнаружил и, просто набрав глины пополам с песком, выдраил это тело до скрипа, периодически оглашая лес дикими воплями... Вода холодная, сцуко! Самая что ни на есть ледяная.

Жеребец пощипывал травку; всхрапывая, удивленно косился на внезапно сдвинувшегося хозяина. Судя по его ироничным глазам, прежний обитатель моего тела подобными вещами особо не заморачивался.

Ледяная вода и чистота полностью привели меня в сознание. Как мог, осмотрел свое новое тело... Весьма, весьма... Ноги, конечно, слегка... Вернее – благородно, так правильной будет, – кривоваты. А вот плечевой пояс и руки прямо бугрятся сухими мускулами, хоть на подиум иди красуйся. Ростом я, получается, сейчас поменьше буду, чем раньше. Где-то сантиметров под сто шестьдесят пять, против моих ста девяноста в прошлом... да и хрен с ним, не важно, главное – естество есть в наличии, и не маленькое.

Оп-па... А пацанчик и повоевать успел. На плече грубо зарубцевавшийся шрам, на предплечье целых два... И на ноге заросшая дырка, как будто грубо выдирали... Ну да, явно не пулевое, стрелу, скорее всего, и выдирали.

Размялся, согреваясь, и остался полностью доволен своей новой оболочкой. Взял эспаду и проделал несколько мулине в три темпа... А вот это никуда не годится. Даже совсем печально. Скорости никакой, тело приказов мозга слушается с опозданием... Нет, все мои знания и умения остались при мне, вот тело... тело не мое. Да и эспада... Ну как можно фехтовать такой тяжелой железякой?

Я как-то был приглашен в клуб исторического фехтования, где парни на энтузиазме разучивали приемы по копиям трудов древних мастеров. Пригласил меня Степка, сын моего давнего приятеля Дениса; у молодежи, несмотря на желание и литературу, мало что получалось. Провозился я с ними и с самим собой пару месяцев, да и потом периодически заглядывал... затынуло это дело.

Так вот. Современная школа отличается от средневековой, как небо и земля. Нет, основа та же, но одно дело махать тяжелой эспадой, больше похожей на меч, а совсем другое – легкой как пушинка современной саблей. Да и, скорее всего, местные бретеры такого понятия, как «правила спортивного фехтования», просто не знают, и не надо им придерживаться дорожки и отступать после каждого удара.

Но! Парень, похоже, этой самой железякой махал с детства, так что все не так критично. При необходимости, а то, что она будет, я убежден наверняка, наверстаю.

Обсох, и лес перепугала очередная порция мата. Пока завязал все эти шнурки и застегнул все гребаные пряжки, нервы опять оказались на пределе.

Не факт, что все сделал в правильной последовательности, но вроде получилось, да и память тела помогла. Хозяин умел, мне его умения и достались. Вот только память прорывалась кусками и не по порядку. По ругательствам, извергаемым из моей глотки вперемежку с родными, русскими, я понял, что хозяин был французом... или испанцем... бог его знает, но скорее всего, французом. Как звучит слово «дерьмо» на языке лягушатников, я знаю.

Значит, я во Франции... и это хорошо. Испания у меня ассоциируется со страшным словом «инквизиция» и кострами. Книга про Тиля Уленшпигеля, наряду с «Тремя мушкетерами», в детстве настольной была... Собственно говоря, тогда я и увлекся фехтованием благодаря именно им.

Пора посмотреть, что у меня, кроме денег и жратвы, еще есть. В лесу пока достаточно светло, и я начал наводить ревизию...

В отдельном мешке оказались некоторые дополняющие приблуды к доспехам. Облегченная кольчуга, латная юбка, набедренники, поножи, наколенники и сабоны, сиречь латные башмаки. А это что... Ага, горжет. Таким образом, получается, у меня в наличии полный комплект готического доспеха. Не турнирного, боевого. Такой значительно легче и подвижность в нем, не в пример турнирному, лучше. По легендам, рыцарей в турнирных латах рычагом-краном на коня сажали.

Так, а щит? Есть, приторочен к седлу. Небольшой, с тем же гербом, что и на балахоне, то есть котте, кажется, такие щиты тарч называют.

Доспехи – очень тонкой искусной работы, с золотой и серебряной насечкой и из одного комплекта. С виду невероятно дорогие. Значит, получается, я рыцарь. Другим в Средневековье такие латы носить было не по чину. А если я рыцарь, то где, в конце концов, мое рыцарское копье и мой оруженосец?

Где они все?

Так... стоп... а какого рожна это тело валялось здесь без сознания и с ободренным лбом?

Огляделся, и все стало на свои места. В зарослях проломана целая просека...

Ну да, получается – на полном ходу вылетел из седла и двинулся башкой о массивный узловатый корень... вон рядом с ним и берет валялся. А вот куда и, главное, от кого я так спешил?

Негодующее ржание отвлекло меня от раздумий... Вот я лох... Это тебе не свою «Витару» в гараж поставить.

– Сейчас, Роденушка, сейчас... – потрепал жеребца по холке и, немного поматерившись, расседлал. С этим делом я знаком, все-таки казацкого рода: все каникулы в детстве на Кубани в станице проводил и с дедом в ночное ездил. Принцип тот же, только все маленько архаично и с лишними наворотами. Обтер жеребца пучком травы и накрыл легкой попоной, которая нашлась среди вещей.

А коник знатный: рослый, очень массивный, не першерон, но около того, с крутой шеей, длинной гривой и сильными длинными ногами... вроде такие и должны быть у рыцарей, а порода называется андалузской...

Ну, андалузец так андалузец...

– Красавец ты мой... – Поискал, но не нашел ни овса, ни ячменя... а должны они вообще быть? Вроде должны.

Ладно, утро вечера мудренее. Отрезал краюху хлеба, чуть присыпал крупной серой солью и скормил коню. Завтра будем отсюда куда-нибудь выбираться, а пока только вот так и травка с листиками. Затем стреножил жеребца и полез дальше разбираться с имуществом.

С оружием оказалось лучше, вернее – обильнее...

В кобуре при седле нашелся арбалет. Самый настоящий арбалет, не большой и не маленький. Средний. С петлей, куда ногой упираются, когда руками взводят, и реечным воротом к нему, – это значит механизированный взвод. Солидная изящная работа. По дереву костяные резные накладки, все металлические части – с гравировкой. Тул с тремя десятками коротких толстых болтов тоже нашелся. Конечно, пулемету я бы больше обрадовался, но с поправкой на эпоху это равноценное оружие. Так что радуемся тому, что есть.

Попробовал взвести руками, без ворота... и взвел. И второй раз подряд взведу, а вот третий уже не получится, тугой до невозможности, да и ладно: как говорил тот же Иваныч, чем туже, тем приятней.

Вложил болт, прицелился в дерево и нажал на спуск. Тренькнул механизм, и стрела с гулким стуком вонзилась в ствол. Подошел посмотреть... Ого, сантиметров на шесть-семь

влезла – хрен вытащишь. Правду писали, что на близком расстоянии большинство доспехов пробивает... да что же такое... ладно, пускай торчит.

Вытянул из ножен, прикрепленных к седлу, тяжеленный и длинный обоюдоострый меч. Жуткое оружие. Таким можно на скаку вражину пополам развалить, и меч называется бастард, это я и сам знаю, потому что крепится он не к хозяину, а к коню.

А это что за мессер? Стиллет... нет, мизирекорд – длинный, сантиметров тридцать пять, четырехгранный клинок с крестообразной гардой и ручкой, обтянутой потертой кожей. Сразу видно, что боевое оружие. Победенных добивать.

Ну что же: что старому хозяину этого тела было необходимо, и мне пригодится. Хотя совершенно не понимаю, как я это буду делать. Вот ни разу я еще никого не зарезал.

Что у нас тут еще... Обоюдоострый кинжал, похожий на меч в миниатюре. Этот уже украшен побогаче, ручка из желтой кости, золотая насечка, навершие рукоятки – золотое, усыпанное мелкими сколами рубинов, гарда тоже вся в чеканных узорах и камнях. А вот это уже парадная штука, вон ножны какие авантажные, но клинок у кинжала заточен на славу, если пырнешь – мало никому не покажется.

Стоп, это что за ерунда?

В сумке торчал арбалетный болт. Не мой, у моего наконечник не такой, и оперение черное, а тут зеленое.

А вот и второй в подбивке седла застрял.

Вот оно что... а за парнем-то гнались и палили из арбалетов. По наитию осмотрел заднюю пластину кирасы. Ага, неглубокая четырехгранная вмятина в районе поясницы. Как раз по форме наконечника арбалетного болта. Вот почему он несся куда глаза глядят... ой... не вляпался ли я в какую-то межродовую вражду или еще чего похуже?

Черт, я же не знаю ни года, ни даже века! Может, тут война вовсю идет... какая там?... Во... Столетняя или Алой и Белой Розы... может, тут неподалеку Жанка, которая д'Арк, с войском лихачит... Ой, мама... канать надо, канать...

– Тьфу, придурок, – в сердцах обругал сам себя. – Куда? Сиди ровно на попе и не рыпайся. Вон стемнело уже, спать ложись...

Для ободрения и улучшения настроения выхлебал половину наличного вина, положил рядом с собой заряженный арбалет и остальные «колющие и режущие», под голову примостил седло, закутался в плащ и улегся, засыпая на ходу. Винцо и нервное напряжение свою роль сыграли...

– Ну а чё...

Может, я принц какой наследный?

Или царевич какой?

Ага, спи, царственный придурок: по принцам из арбалетов не пуляют...

Или пуляют?

Все, хватит, засыпаю... завтра, все завтра...

Мысли путались, чувствовал я себя дико уставшим и разбитым. Что и не удивительно: не каждый день в средневековую неизвестность закидывает.

А что удивительно – ни в коем разе удрученным этим обстоятельством себя я не чувствовал.

Мама дорогая... Кажется, мне вся эта история начинает нравиться...

Глава 2

Ночь прошла беспокойно. Ближе к утру стало сыро и холодно, вся трава покрылась росой. Всю ночь в лесу что-то ухало, скрипело и подвывало, пугая Родена, да и меня тоже, заставляя при каждом шорохе просыпаться и хвататься за арбалет.

Окончательно я проснулся, едва рассвело, и, к своему удивлению, обнаружил, что хорошо отдохнул и выспался. Давно забытые ощущения! Последний пяток лет я по утрам, кроме головной боли, ничего не чувствовал...

М-да... трудно привыкнуть, что ты разом помолодел лет этак на двадцать пять.

И помолодел-таки...

Естество дыбилось с дикой интенсивностью, грозя порвать эти чертовы суконные колготки.

Ничё... придет время, попробуем и местный слабый пол. Конечно, если... если они не воняют аки звери лесные... Знаете, историки на этот момент намекают вполне определенно.

Оправился, умылся и полез в сумки за припасами, есть хотелось просто зверски. Еще одно качество молодого тела. Умял половину оставшейся еды, но вина не тронул, просто попил восхитительной родниковой воды.

Сразу захотелось поваляться на травке и послушать птичек, но пересилил себя и занялся делом.

Окончательно разобрал оставшиеся вещи, нашел четыре подковы с ухналями, набор оселков для заточки оружия, бутылочку льняного масла – тоже за оружием ухаживать и походный мужской туалетный несессер в коробке из тисненой кожи.

М-да... Бритва с костяной ручкой странной формы, флакон зеленого стекла с какой-то пахнущей ромашкой эмульсией и дико архаичной конструкции ножницы, больше похожие на прибор для стрижки овец. U-образная пластина, концы которой в свою очередь еще развернули остриями друг к другу и заточили. Да и позолотили еще для авантюризма... техника на грани фантастики... Но с грехом пополам режут. Завершало комплектацию набора полированное небольшое серебряное зеркало.

Власть насмотрелся на свое новое лицо, затем, шипя и чертыхаясь, побрился и подравнил небольшую бородку... Вот никогда в жизни не носил – и на тебе, в наследство досталось. Ладно... сбривать пока не буду, может пригодиться. Может, без нее здесь мужику запаadlo ходить.

Нашлась даже аптечка, в средневековом варианте, конечно: завернутый в холстину спутанный пучок ниток... ага, корпия называется. Несколько рулонов льняной ткани... Бинты! Ёптыть, все в мусоре... Как они здесь выживали? Пара небольших глиняных горшочков с горлышками, затянутыми вошеной бумагой. В одном густая, почти черная, остро пахнущая мазь, во втором мазь желтая, пахнет вроде аммиаком. Знать бы еще, когда, какую и где применять. Вспомнился целебный бальзам матушки д'Артаньяна... ага, это тоже что-то похожее... Стоп, стоп... Вот что-то и проясняется...

Д'Артаньян-то в Менг приехал в берете, за что и был освистан и оплеван. Все уже носили шляпы...

Значит, я не во времена Ришелье попал, а значительно раньше, к тому же огнестрельным оружием и не пахнет... М-да, глубокомысленный вывод. Историк, ёптыть! Время действия ближе к событиям, описываемым в «Графине де Монсоро»? Хотя там уже аркебузы изобрели...

Вот черт его знает, не получается из меня аналитика, нечего и пытаться.

А вокруг природа поражала благолепием, громадные дубы перемежались молодой порослью, воздух казался нектаром, серебряным звоном журчал ручей, прыгали по веткам и чирикали разноцветные птички. Парадиз, одним словом.

Парадиз парадизом, а определяться надо...

Открыл небольшую кожаную сумку – и даже присвистнул. В ней оказался письменный набор: бронзовая чернильница, пучок перьев, нож для их очинки и завернутая в ткань небольшая книга в кожаном переплете с бронзовыми застежками.

Вот даже как, а у нас в книгах средневековых дворян сплошь неграмотными обзывают. Открыл и осознал, что понимаю эти затейливые завитушки.

Оперся спиной на седло, нашел последнюю запись и начал читать...

«...отец, милостью Божьей конте Жан V д'Арманьяк повелевает мне ехать в Арагон к рею Хуану просить милости и заступничества от хулителя и угнетателя свобод дворянства богомерзкого руа франков Луи XI. Волею Божьею мы остались без союзников и осажжены в славном городе Лектуре, последнем оплоте прав и истинных поборников свобод. Войско оного Луи, управляемое кардиналом Жилем Жоффруа, устраивает приступы и всячески наносит урон защитникам и нашим приверженцам.

Видит Бог, что я с большей охотой с мечом в руке отражал бы приступы, однако повинуюсь воле отца. Сегодня вечером в сопровождении оруженосца своего и двух копий кабальеро я попытаюсь выскользнуть из осажденного Лектура...»

– Твою же кобылу в трещину... – только и смог выразиться, прочитав эти строки.

Потянулся к бурдюку с вином, сделал глоток и опять углубился в чтение. Оторвался от книги, только когда разобрал последнее слово... Это был дневник виконта Жана де Лавардан и Рокебрен, сына Жана V, конта д'Арманьяк?

Черт! Это что? Я теперь Жан? Веселенькое имя, ядрена вошь! Хотя в принципе ничего. По-нашему Ванькой буду.

Но все равно! С досады метнул кинжал в дерево, а потом еще полчаса бегал по поляне, оглашая лес матом и рубя кусты эспадой. Сука, это запаadlo, это голимая подстава. Зачем же так глумиться над заслуженным тренером страны, дважды чемпионом мира, чемпионом Олимпийских игр и просто хорошим человеком? То есть надо мной. За что? Мало загнать в Средние века, так еще и в тело этого... как его? Бастарда! Незаконнорожденного ублюдка. Это по нынешним временам вроде как дело естественное и понятное. А в Средние века бастардов дворянского положения даже метили красной полосой поверх герба. Вон и у меня на щите такая же. Только что обратил внимание.

Наконец выдохся, утомился и постарался проанализировать информацию. Все равно все уже случилось и надо поблагодарить неизвестных шутников хотя бы за то, что я оказался в теле этого бастарда д'Арманьяка, а не, к примеру, в теле неандертальца. Да и вообще за то, что дышу...

Жан V, конте д'Арманьяк, папаша мой, судя по дневнику его сына, личностью был, гм... несколько специфической, до такой степени эпатажной, что его умудрились при жизни дважды отлучить от церкви, и сейчас сидит он в городе Лектуре, осажденном войсками руа франков, которому он намеренно ставил палки в колеса не один десяток лет, а я собственно из города свалил, направляясь с поручением отца в Арагон, за помощью.

А сегодня... Получается, 4 мая 1473 года. Господи... это же почти семьсот лет, назад... тьфу ты, вперед. Твою же душу наперекосяк, никак не могу воспринять время, в котором я очутился...

Но все это семечки. Самая прелесть оказалась в том, что я мало того что незаконнорожденный, так еще незаконнорожденный в особо извращенной форме. Папаша-то – Жан V. А мамаша моя... Мамаша моя – Изабелла, есть родная сестра этого самого Жана. То есть я

граф, виконт и много чего еще там... и одновременно – никто. Бастард в кубе, одним словом. По нынешним временам это жуткий коктейль!

Учитывая, что я автоматом стал врагом этого самого царственного Луи, ни дна ему, ни крыши, коктейль получается смертельно ядовитый. В дневнике не указывалось конкретно, что папаша и руа... непонятно, какой руа... если Луи, то, значит, король... Но король – это Людовик, а если Луи – то руа...

Ладно, пока не важно.

Так вот: то, что эти товарищи меж собой конкретно не поделили, описано крайне замысловато. Сплошной бред насчет ущемленных прав, но, очевидно, все здесь серьезно. А как с врагами в подобные времена расправлялись, всем известно...

– Не хочу в Бастилию... Не хочу на плаху... Не хочу к палачу в гости... – невольно в голос заорал я.

Действительно не хочу...

Нет, это я точно брежу; вот сейчас полезу в сумку, найду мобилу, позвоню Иванычу, и он меня отсюда увезет к таким милым, симпатичным и щедрым шейхам. В отчаянии полез в сумку, но мобилу не нашел...

В сумке лежали в кожаных тубусах несколько грамот, которыми папаша подтверждал право наследования мною поместий, титулов и разных земель.

Да... как бы того ни хотелось, а с головой у меня все в порядке. Даже осознаю, что, если папашку грохнут, грош цена этим всем бумагам. В дневнике о том неоднократно намекалось.

Как же все-таки я хочу свихнуться...

Господи, помоги!!! Обязуюсь стать образцовым семьянином, перестать бухать и тягаться по девкам... Даже назад с Людкой сойду, только помоги, верни меня обратно! Сделаю я из арабов чемпионов мира...

Не помог.

Не захотел.

Так и остался я сидеть в этих дурацких суконных двухцветных колготках посередине дикого леса. Одна штанина одного цвета, вторая – другого.

Маразм!

Рука сама потянулась к бурдюку, и несколько добрых глотков вина постепенно привели хаотичный поток мыслей к некой логической направленности.

Выход есть. Выход всегда есть. И я его найду.

Если старый греховодник, то есть папенька мой, считает, что рей Арагона может помочь, то, значит, так и есть. Недвусмысленно намекается, что сей Хуан и еще несколько царственных товарищей из Бургундии и Гиени – никак не друзья этому Луи-Людовику. То есть получается: враг моего врага – мой друг. К тому же дворяне Гаскони – а я, черт возьми, получаюсь гасконец – поддерживают папашу. Не все, но многие. Король, попросту говоря, собирается урезать дворянские вольности и сделать из нашего края свою вотчину... Сами понимаете, гордые гасконцы, мягко говоря, не совсем согласны с этими инициативами.

Напрашиваются следующие выводы: срочно мчать в Арагон с письмом... Ага... Вот оно и письмо, запечатанный восковыми печатями тубус... И вести домой подмогу. Бить Людовика в хвост и гриву, отстаивая гасконские вольности.

А что нам, гасконцам? Принадлежность к столь прославленной национальности льстит нешуточно, даже некая лихость в мыслях появилась.

И почему я не выбрал на жизненном поприще стезю историка? Вот сейчас бы знал заранее, чем эта катавасия закончится. Ан нет, я не историк, поэтому гадание на кофейной гуще получается, то есть авантюризм чистой воды. Но как ни суди, без авантюризма из этой истории не выпутаться.

Значит, что... Сбежал я из Лектура вчера. Город, судя по записи Жана... тьфу ты... моей же записи, хорошо укреплен, силы в нем значительные, и может продержаться еще долго. Собственно, и держится он уже три месяца...

А сколько мне переть до Арагона?

И вообще, где я сейчас нахожусь... приемник-то мой никакой картой не озаботился.

Ладно, пора собираться и куда-нибудь направляться: деньги есть, язык понимаю, внешность благородная, натура гасконско-русская; значица, все шансы на успех имеются. Безопаснее, конечно, со свитой, но... нету. Вчера, очевидно, все пали, прикрывая мой отход. Вечная вам память...

Уложил все вещи обратно, из доспехов надел только кольчугу и поверх нее – кирасу, хватит пока, потом оседлал Родена.

– Ну что, Жан Жанович д'Арманьяк, голова боится, а руки делают, пора и делом заняться... Дранг нах Арагон, едрит ее в качель... – Запрыгнул в седло, повертел булками, умащивая седалище, лихо заломил берет и слегка тронул шпорами жеребца. – Поехали, родной...

Роден сам выбрал направление и неспешно потрусил в просвет между зарослями. Скотина умная... куда-то да вывезет, а я пока покручу головой по сторонам, рассматривая средневековый лес.

Лепота... воздух чистейший, даже голова кружится, живности море. Куропатки, фазаны, даже небольшое стадо косуль мелькнуло. Представляю, какая здесь рыбалка. Природу активно загаживать начнут только через несколько столетий. Ну, ничё... Это даже просто отлично. Еще один положительный момент в моем перевоплощении. Всякими ГМО и прочими гадостями травиться не буду.

Вот даже не знаю, как считать... Повезло мне или нет? Это с какой стороны посмотреть.

С одной стороны, полная задница: ни медицины, ни цивилизации, воюют все против всех. Того и гляди на ровном месте борзый дворянчик протазаном по башке пригладит, или церковники во благо Господа спалят за неосторожное слово. Хотя мне кто-то говорил, что просто так они никогда не сжигали, и даже когда палили салемиких ведьм, основания на то имели железобетонные. А еще чума, холера и всякие там проказы... это тоже не шутка. Добавим личную вражду с королем... или руа... один черт, неприятно.

Так вот... плохо это или нет? Не знаю... Скорее, не просто плохо, а архихреново.

А с другой стороны, вселился я в тело молодого парня...

Стоп. Не с той стороны начал. По-другому начну...

В двадцать первом веке я концы отбросил однозначно. А здесь ожил, значит, получил шанс прожить еще одну жизнь... и мне кажется, что один этот момент перевешивает все вышеприведенные аргументы. Вспомни, Саня... тьфу ты... Жан, как ты зачитывался по малолетству дядюшкой Дюма и Вальтером Скоттом. О подвигах мечтал, приключениях. Сражаться за свою даму сердца хотел, сублимируя детские эротические фантазии. Вот те, пожалуйста... Наслаждайся. Чувствую, приключений на мою пятую точку приготовлено – вагон и малая тележка.

Как я и говорил, все просто архихреново, но как это ни странно звучит, наряду с диким страхом прослеживается мой интерес ко всему этому. То есть своими уже ничему не удивляющимися циничными сорокапятилетними мозгами осознаю, что хочу этой жизни попробовать. Очень боюсь, но хочу... Да, тысяча чертей, хочу!

Хочу увидеть Париж, прогуляться по монастырю кармелиток, где д'Артаньян пырлся с гвардейцами. Станцевать на приеме в Лувре, если, конечно, его уже построили. Хочу завалить какую-нибудь герцогиню де Шеврез и отодрать ее со всей юношеской пылкостью, предварительно проткнув пару кавалеров на дуэли...

Стоп, стоп, Жан Жанович, это тебя уже не туда понесло... Кавалеры сами тебя могут проткнуть, а герцогиня, согласно бытующему у моих прежних современников мнению, должна вонять аки зверь лесной. А в Лувре дамы и кавалеры гадят за портьерами. Читал, что во избежание загаживания дворцовых площадей всё разрисовывали крестами, надеясь, что дворянчики не будут гадить на символ христианской веры.

– Да, я такой... все могу опошлить... – сообщил я любопытной сойке, уставившейся на меня с дерева. – И опошлю. И нечего бояться. В своем мире я уже помер, то есть здесь живу авансом, так что давай, друг родной, учитывай свои жизненные ошибки и начинай жизнь с чистого листа. И плевать мне с высокой горы, что я необразованный неуч и не знаю рецептов пороха. Обойдусь. Органичнее вольюсь в местное общество, за своего то есть проканою.

Не скажу, что настроение было особо боевое, скорее всего – совсем наоборот, но как-то всегда по жизни у меня получалось находить хорошие моменты даже в самых пакостных случаях. Надеюсь, и сейчас получится.

Роден неспешно трусил среди деревьев, умудряясь на ходу обрывать молодые листочки с веток. А я, наслаждаясь природой, тоже неспешно, уже без паники обдумывал свои дальнейшие действия.

Насколько я понимаю, надеяться на чудо, которое меня вернет назад в Москву, не стоит. Все окончательно и обжалованию не подлежит... Да и не у кого обжаловать, честно говоря. Остается только как можно быстрее вливаться в местную жизнь и постараться выжить. Что является очень и очень трудной задачей.

По скудным сведениям из дневника моего предшественника, все в реальности совсем не так, как я думал. В моем понятии в Средневековье была такая большая страна, как Франция... а, оказывается, все совсем не так. Есть куча самостоятельных территорий, которые соединиться в одну страну не спешат, и даже открыто того не желают. Нормандия, Бургундия, Аквитания, Анжу, Гиень да Гасконь... и живут там совсем не французы. И есть руа, то есть король франков Людовик XI, который все эти территории хочет заграбастать под свою власть и объединить в одну страну. Что, на мой взгляд, задача исторически необходимая, если опускать истинные причины, движущие этим самым руа. И недаром его здесь недруги называют Луи Всемирный Паук.

Определенных успехов на этом поприще данный товарищ добился. К примеру, моего папеньку загнал за облака...

Стоп, стоп... какая историческая необходимость? Плевал я на нее с высокой колокольни. Совсем забываю, кто я теперь. В задницу этого мироеда. Враг он мне сейчас, и точка. Значит, надо уцелеть и при этом нанести ему как можно больше урона и неприятностей, в идеальном варианте – совсем со свету сжить. Угнетатель дворянских свобод... на шпагу волка...

Стоп... это кто сейчас во мне говорит?

Жан Жанович бастард д'Арманьяк, виконт де Лавардан и Рокебрен или Александр Вячеславович Лемешев, тренер сборной России по сабле?

Да вот не знаю... Александру Вячеславовичу наплевать с высокой башни на Луи Паука, ему бы выжить, и все.

А вот Жану Жановичу совсем наоборот... у него со смертью папеньки начнется самое настоящее скатывание в низы, если не что похуже. И ненавидит он оного Луи всеми фибрами своей души...

Вот и получается, что во мне как-то начинают уживаться два очень разных человека... Конечно, хочется верить, что Александра Лемешева во мне больше... конечно, больше. Во всяком случае, пока я себя ощущаю именно им.

Задачки у меня, однако... На ходу вынул из сумки бурдюк и сделал еще пару глотков. Для пущего успокоения и плавности мыслей.

Огляделся по сторонам.

Лес вокруг... Признаков людей и всяких построек пока не наблюдается. Вот и ладно... не готов я пока общаться. Еды еще на день хватит, если что – дичину какую-нибудь завалю...

А это что?

Коняка вывезла меня к развалинам совсем древней часовенки. Настолько древней, что она полностью заросла кустарником и совсем развалилась. Да и не часовенка это, скорей всего, а храм языческий, ёптыть...

Неожиданно из кустов вынесся с громадной дубиной наперевес заросший до бровей здоровяк в грязной хламиде и босиком. Я в ошеломлении смотрел, как он с ревом заносит дубину...

Успел только схватиться за шпагу, как вдруг Роден, став на дыбы, заехал этому хулигану копытами в грудь.

Мужик, выронив палку, сложился и улетел в кусты.

– Да что за... – Я наконец-то выдрал клятый клинок из ножен, вот никак не хотел он вылезать.

Спрыгнув с коня, направился к кустам, куда так бесславно закинуло непонятого мужика.

– Ты живой, дурачок?

В ответ донесли тихие хрипы, бормотание и шуршание.

– Ты смотри... живой, – удивился я и швырнул в направлении звуков кусок камня. – Вылазь, придурок, а то уши обрежу.

– Милости прошу, господин... – донеслось из кустов, но никто так и не показался.

– Явись пред моими глазами, смерд, не заставляй предать тебя смерти ужасной, но справедливой... – неожиданно выпалил я и оторопел.

Это не я сказал... вернее, я... да не тот...

Не знаю, что подействовало, но мужик выполз на карачках и вдруг с низкого старта бросился на меня...

Ха, опять безрезультатно. На полпути зацепился об корень и грохнулся головой об валун. На этот раз он приложился качественно, даже гул по лесу пошел, и замер без движения. Во дает...

Взял под уздцы Родена, собиравшегося совсем затоптать неприятеля – воистину боевой коняка, – и, чуток погладив его по морде, привязал к дереву. Иначе он совсем моего «языка» изведет и лишит возможности хотя бы определиться, где я нахожусь.

Подошел поближе и ткнул бесчувственное тело носком ботфорта.

Живой, собака, что и странно... По идее, его еще Роден должен был прибить. Конь-то под тонну весом, никому мало не покажется.

Мужик непереносимо вонял смесью костровой гари и пота, хламиды на нем практически сгнила и пестрила прорехами. Косматые волосы и борода полностью закрывали лицо, но тело, хотя и истощенное, поражало своими размерами, вернее – габаритами. Мужик был невероятно широк в кости и могуч. Ростом чуть выше меня, но шире почти вдвое.

– Вот и «язык» нарисовался... – Отворачивая лицо от смрада, я спеленал разбойника путами для коня.

Вот так... Кажется, надежно.

Оглянулся на жеребца. Роден по-своему возмущался, фыркал, недовольный тем, что я использовал его имущество на столь непотребные цели. Или хотел добить бедолагу... Этого я уже не узнаю. Одно ясно: если бы не конь, получил бы я дубиной однозначно. Надо срочно тренироваться вытаскивать эспаду из ножен...

– У-у-у-у... – замычал мужик и открыл глаза.

– Ты что это, собака, разбойничать вздумал? А? На виселицу захотел? – поинтересовался я у разбойника, подавляя желание просто взять и перерезать ему глотку.

Опять Жан Жанович во мне прорывается.

– Милости прошу, благородный господин... – опять забасил мужик, стараясь незаметно для меня попробовать веревки на прочность.

Не... ну смотри, какой хам...

Я приставил к его горлу клинок даги и как можно спокойнее поинтересовался:

– Назови мне хоть одну причину, по которой я не должен тебя прирезать, собака?

Мужик не произнес ни слова, только угрюмо зыркал глазами по сторонам.

– Как тебя зовут? Кто твой хозяин?

– Я свободный! – с вызовом буркнул разбойник. – Я Уильям Логан, из Ланарка.

– Это где?

– В Скоттии...

– Где?

– По-вашему – Шотландия.

– А что здесь делаешь? Воевал бы на родине с англами. Или проще на путников нападать?

Шотландец от возмущения даже рыкнул и отвернул бородатую морду.

М-да... кажется, большое место задел... по фильмам знаю, что не дружат они с англичанами. И, кажется, совсем недавно, а может, и прямо сейчас рубятся с ними не на шутку.

– Что рычишь, борода? Вот что мне с тобой делать?

– Убей... Мне все равно...

– Так не бывает... – Пощекотал кончиком клинка его подбородок. – Почему скрываешься в лесу? В розыске? Вина на тебе есть?

– Вины нет. Розыск есть... – буркнул мужик.

– Розыск без вины не бывает. Ладно... рассказывай. Обещаю, если есть на тебе преступление какое, сам решу судьбу твою. Выдавать не буду. Говори, а то я найду способ развязать тебе язык.

– Зачем оно тебе, кабальеро? Я в твоей власти, делай, что должно, и покончим с лишними разговорами.

– Вот даже как... – Пристально посмотрел шотландцу в глаза.

Как на моем месте поступил бы Жан Жанович, у меня сомнений нет. Глотку от уха до уха, и все дела. Он же дворянин... кабальеро... странно, при чем здесь кабальеро... вроде во Франции нахожусь, рыцарь по, крайней мере, привычнее звучит. Ладно, со временем разберусь, дело совсем не в этом. Дело в том, что я дворянчик средневековый только с виду, ну и чуть-чуть натуры проскакивает, а в остальном вполне цивилизованный человек двадцать первого века, и просто так резать глотки мне претит. Конечно, можно съехать на обстоятельства, внедрение в образ и запросто прикончить этого бедолагу, и даже очень подмывает это сделать, опять же свидетелей нет... но не буду...

– Сколько дней не ел?

Мужик изумленно уставился на меня и промолчал. Ага... видно, здорово я из образа благородного кабальеро выбиваюсь...

– Понятно... долго. Клянись Пресвятой Девой Марией, что не будешь пытаться убежать, когда я тебе развяжу руки.

– Клянусь Девой Богородицей, что не буду чинить вреда тебе, кабальеро, и не буду убегать, – недоверчиво глядя мне в глаза, пообещал шотландец и протянул руки.

– Смотри... – Я развязал путы. – Сиди здесь без движения, я сейчас.

Вытащил из сумки еду и на большой ломоть хлеба положил кусок мяса. Прихватил бурдюк с вином и вернулся к пленнику.

– Ешь... – Сунул хлеб в руки шотландцу и присел в стороне на валун, который он минутами ранее безуспешно пытался расколоть своей башкой.

Бурдюк с вином оставил себе: губами к горлышку он прикоснется только через мой труп. Смердит же, как падаль.

Уильям с едва сдерживаемым рычанием набросился на еду, уничтожив хлеб с мясом мгновенно.

– Руки ладошками сложи... – налил ему в них вина. – Перекусил? Больше тебе пока нельзя. Рассказывай давай... Ты не понял? Живее, а то скоро мое терпение закончится.

– Спрашивай, благородный кабальеро, все тебе расскажу. – Уильям выковырял из бороды последние крошки и отправил их в рот. – Только я тебя, бастард д'Арманьяк, не понимаю. Зачем оно тебе?

– Откуда ты меня знаешь? – попытался я скрыть изумление.

Получается, что Жан Жаныч был известный персонаж или... или я ни хрена не разбираюсь в Средневековье, что скорее всего.

– Твой щит, кабальеро. – Пленник показал рукой. – Герб д'Арманьяк, полоса бастарда. Тебя же я не знаю.

– Ты обладаешь познаниями, неизвестными для смерда. Берегись, если ты врешь... – позволил я выпятиться в себе Жан Жановичу.

– Я же тебе говорил... не смерд я. – Шотландец поморщился. – Положение мое, воля злого рока и проклятие моего рода, преследующее нас со времен Брюса...

– Говори, – приказал я.

Как все интересно... сейчас он окажется принцем в изгнании. Средневековье, ёптыть.

– Я из великого клана Логанов... – прокашлявшись, начал повествовать Уильям. – Воины нашего клана – сподвижники Роберта Брюса, законного кинга Скоттии. Двое из нас сопровождали Черного Дугласа, когда он вез сердце короля в Святую Землю, и погибли, покрыв клан славой. Мой предок был шерифом Ланарка, получил эти земли от самого Брюса и был повешен тираном Эдуардом Карнарвонским, мужеложцем и содомитом, пусть горит его душа в аду...

– Это, конечно, все впечатляюще... – прервал я Логана. Плеснул ему еще вина в ладони и приказал: – Давай эти истории оставим на потом. Ближе к делу.

– Это же история нашего рода... – попытался возмутиться шотландец, но, увидев мое недовольное лицо, поспешил продолжить: – Моя семья – лэрды, входящие в клан Логанов...

– Что такое лэрд?

– Мы землевладельцы... ну... нетитулованные дворяне. – Уильям немного смутился. – Но лэрды также заседают в палате лордов в одном помещении...

– Короче!

– Нас прокляли, и дела семьи покатались под гору. Жены перестали родить мальчиков, посева не всходили, на скот напал падеж. Мужей наших поражало безумие, они стали предаваться непотребному...

– Ты меня уже достал...

– В общем, меня во искупление грехов рода отправили в монастырь...

– Так ты монах? – Я расхохотался.

Вот ну никак не похож этот громила на монашка. Все что угодно, только не это.

– Был... – мрачно насупился Уильям. – Доминиканцем.

– И сбежал?

– Сбежал.

– От чего? Не по нраву епитимьи и палка настоятеля? Девочек непотребных захотелось? – ехидно поинтересовался у шотландца.

Ну от чего еще можно сбежать из монастыря; по мне, так только по этим причинам.

– Поспорил...

– Я тебя сейчас кинжалом ткну, *gojaj bistree*... – Последние слова у меня вырвались по-русски, и я невольно осекся... так и спалиться можно.

– Меня перевели в аббатство Сен-Север во Францию переписчиком летописей, так как я грамоте и искусству писания образов обучен. А там я поспорил с настоятелем по поводу некоторых теологических определений Фомы Аквинского.

– Убил? – догадался я.

– Нет... – тяжело вздохнул Уильям. – Связал и порол вервием... А что? Он поносил меня и сквернословил, не признавая очевидные догматы.

– Ой, не могу... – чуть не задохнулся от хохота.

Это же надо... теологический диспут с насилием... ну, красавчик.

Отхохотав, налил ему еще вина и дал хлеба.

– Продолжай, парень, ты мне уже нравишься.

– Закрыли меня в монастырскую темницу на месяц, наложили епитимью. Обязали носить вериги семифунтовые и уязвлять плоть голодом и плетью... Ну, и сбежал я... Пробирался ночами до Арагона, хотел наняться воевать с маврами. По пути подрядился расписать базилику в соборе Святой Марии, что в городе Оше...

– Кого на этот раз?

– Местного каноника... – признался Уильям. – Поваялся, собака, ходить к девице Мари, дочери местного булочника... Там и поспорили...

– Опять Фома Аквинский?

– Не-э... – заржал шотландец. – О достоинствах оной девицы. По итогу схватила меня городская стража, заключили в темницу, всплыл побег из монастыря, появились обвинения в ереси и колдовстве. В лучшем исходе – виселица. В общем, выломал решетку и бежал. Вот... теперь в этом лесу обретаюсь. Прости меня, кабальеро. Не корысти ради напал на тебя, а от отчаяния и голода великого.

– Так откуда ты о моем гербе знаешь?

– Я все в геральдике знаю. Многие свитки и книги переписывал, в том числе и с перечислением именитых родов и их гербов.

Вот так... даже не знаю, как назвать эту встречу. Чем-то этот громила мне симпатичен и даже может быть полезен...

– Так, грешник... развязывай-ка себе ноги, и пошли к воде.

– Зачем? – недоуменно уставился на меня шотландец.

– Зачем? Ты же смердишь аки зверь лесной; пошли, человека из тебя будем делать. Да не бойся... топить не буду. И не вздумай брыкаться, проткну...

Почему я так поступил? Все просто: помимо уверенности в том, что от этого громилы вреда для меня не последует, скорее всего, мне к тому же нужен человек, который разбирается в нюансах этого времени... спалюсь же... да и какой благородный рыцарь без оруженосца? Правильно, получается ущербный рыцарь, или, как тут говорят, кабальеро. А оно мне надо? Я как все.

Глава 3

Посекундно оглядываясь, Уильям привел меня к ручью и застыл, ожидая всяких пакостей. Очень уж я не вписывался в его видение кабальеро.

– Что застыл? Скидывай с себя тряпье и мойся, – приказал я, вволю насладившись его растерянным видом. – Да не бойся, я не содомит. Снимай, сказал, песья башка, не бойся – удачу не смоешь. Ее у тебя и так давно нет.

Шотландец сбросил хламиду и, почесывая худое, но мощное тело, полез в воду. Удовольствия при этом он явно не испытывал. Я, покрикивая при явном саботаже помывочных процедур, вытащил свои туалетные принадлежности. Критически посмотрел на средневековые ножницы и стал подтачивать кинжал. Ножницы в данном случае были бесполезны.

Уильям в это время громко бормотал какие-то молитвы... очевидно, водяных бесов прогонял, натирая себя песком и глиной. Это по моему повелению, а то он собирался плеснуть водичкой на себя и на этом закончить.

– Тебе самому-то приятно ходить вонючим, как осел? – поинтересовался я у испытывающего адские для него муки Логана.

– Настоящий скотт должен быть вонюч и волосат... – буркнул монах.

– Ага... тогда это ты точно. Скажи лучше, где это мы находимся? Я тут немного заблудился.

– Десять лиг до города Оша и вдвое больше до Лектура.

– Ближе что-нибудь есть? – Бог его знает, сколько составляет эта лига...

И Жаныч не подкидывает воспоминаний... будем считать лигу за милю. Не будешь же у расстриги спрашивать очевидное.

– Есть... Флеранс... – буркнул шотландец, натирая шею песком, и в очередной раз поинтересовался: – Скажи, кабальеро, зачем тебе я? Зачем ты заставляешь меня мыться?

Достал уже...

– Жизнь тебе дарю и хочу взять тебя в слуги. Считаю это моей прихотью. А вонючий слуга мне не нужен... если хочешь, можешь прямо сейчас уходить... – Я махнул в сторону леса.

– В слуги? – озадачился шотландец. – Я же преступник.

– Мне наплевать, здесь моя земля, и один я решаю, кто преступник, а кто нет. Я так хочу, а будешь спорить, получишь по башке... Ну? Решай! – позволил я себе разозлиться.

– А где ваш оруженосец? – Уильям немного успокоился: видимо, на этот раз я в образ попал.

– Погиб. Свита тоже. Все умерли. Один я остался... и довольно об этом. Здесь вопросы задаю я. Я тебе уже сказал... не хочешь – свободен.

– Я согласен... но я же...

– Ты сейчас преступник, которого ждет не дождется ошский палач, больше никто... а лэрд ты или кто, еще большой вопрос. Дворяне по лесам не прячутся в рубище и с дубинами не нападают. Ты понял? Служи верно, и мои милости придут к тебе, – сообщил я шотландцу гневным и надменным тоном.

Вона как... быстро я в роль вошел. Даже нравиться стало. И правильно. Надо сразу ставить на место, слугам только волю дай. Хотел сначала произвести его в оруженосцы, но потом решил подождать и узнать своего новоявленного спутника получше. Пусть сначала послужит. Да и хрен его знает, что он за человек. Великим знатоком душ я себя никогда не считал. Видя, что Логан еще колеблется, поспешил закрепить успех.

– Рано или поздно ты сдохнешь в этом лесу или все-таки попадешь на виселицу. Я же тебе предлагаю жизнь. И возможность возвыситься.

– Я согласен, господин... – Уильям вылез из ручья и стал на колени. – Я буду служить вам не щадя живота своего, и отныне моя жизнь – ваша.

– Так-то лучше. Возьми. – Я бросил ему свою старую котту и запасные... короче, трусы. Другого названия этих коротких штанов из полотна с завязками под коленями я не знал, а Жан Жанович подсказывать не спешил.

– Да не надевай... подожди. Сначала садись на камень. Бери кинжал и скобли себе голову. Наголо... затем бороду. Сколько получится, потом уже бритвой.

Через час предо мной предстал молодой парень. От того, насколько разнился прежний образ с нынешним, я даже присвистнул.

– Сколько же тебе лет?

– На Благовещение двадцать будет... – пояснил Уильям и отчего-то покраснел, сам с удивлением рассматривая свою физиономию в луже.

– Понятно; теперь надевай что есть. Не замерзнешь... Доберемся до города, приобретем тебе нормальную одежду.

– Спасибо, господин... – поблагодарил шотландец. – Вы очень добры ко мне. Я отплачу как смогу.

– Куда ты денешься... Отныне и навечно нарекаю тебя Туком, слугой своим, – торжественно продекламировал я. Ну а как его назвать?

Монах!

Из Англии!

Здоровый как кабан!

Только Тук, по аналогии.

– Тук францисканцем был, – буркнул по своему обыкновению Уильям.

– Так ты знаешь...

– Кто в Британии не знает про Роба Локсли, графа Хаттингтонского и его товарища брата Тука! – сообщил шотландец, повергнув меня в полное удивление.

И пропел баском:

Дрожат богачи,
Веселится народ:
Славный парень Робин Гуд
На ярмарку идет...

Я тихо выпал в осадок. Вона как... не выдумали легенду. Правда, значит. Твою же кобылу в дышло... к живой истории приобщаюсь. Так еще д'Артаньяна встречу... стоп, разве что его прапрадеда, кажется. А что, он же тоже гасконец и где-то в этих местах обретается. В Беарне... во.

Пондивлялся про себя, но виду не подал и рыкнул на своего нового слугу:

– Мне плевать, кто он был. На тебе еще кусочек сыра, и пошли. Жрешь сыр, идешь впереди лошади по направлению к городу и рассказываешь все, что знаешь про обстановку. Пошел.

– Вам, господин, не стоит показываться в этой местности, – неожиданно сообщил мне свежее испеченный Тук.

– Почему это?

– Вы должны сами знать...

– Говори... меня по голове в битве двинули, сутки без памяти лежал... почти все забыл, – постарался выкрутиться я.

Эта версия совсем недалеко от правды лежит.

– Ага, так бывает, – подтвердил Тук. – Моего дядюшку секирой по голове двинули, так он не только память потерял, но и речь. Мычал как корова до самой смерти.

– К делу. Меня твой дядюшка мало интересует. Почему не стоит показываться?

– Вы же из Лектура с боем уходили? – спросил Тук и, не дожидаясь ответа, продолжил: – Когда началась осада Лектура, я как раз последние дни в Оше был. Он уже давно под управлением сенешалей руа франков находился. Все знали, что прежний господин, ваш отец Жан Пятый д'Арманьяк в опале и осаждаем в Лектуре. Ну и вы, я так понял, с ним были, а сейчас вырвались из города. Как только городская стража или кто из гарнизона увидят ваш герб, тотчас схватят. Да и на дорогах войск достаточно. Подкрепления и обозы... так что, господин, если хотите услышать мое мнение...

– Давай без виляния. Говори. – Я тихо порадовался тому, что нашел этого громилу.

Сам бы, ничтоже сумняшеся, вперся в город и, конечно, попался бы. Не иначе ангел-хранитель меня в новой личине опекает.

– Только не гневайтесь, господин... – Тук скорчил скорбную рожу. – Из-за заботы о вас предлагаю и ни в коем случае не хочу оскорбить вашу честь кабальеро...

– Братец Тук, если хочешь наладить со мной отношения, научись говорить прямо, а не вилять задом... – Меня уже порядочно стала доставать манера Логана выдавать информацию крайне витиевато и в час по чайной ложке.

– Надо сменить герб ваш и цвета...

Мгновенно во мне взбунтовался прежний обитатель тела, и я заорал, выдергивая эспаду из ножен:

– Да я тебя на куски порублю, собака!..

Тук проворно отскочил в сторону и запричитал:

– Я же говорил... зачем сразу «на куски»... умный на стену не полезет, умный в ворота войдет... сами сгинете, а мне что делать?

Я постарался сразу взять себя в руки. Не знаю, что Жан Жанович нашел крамольного в словах Тука, мне это предложение показалось толковым и дельным.

– Тихо; не причитай, подойди... – поманил я рукой Тука. – Как ты себе это представляешь?

– Я мог бы нарисовать вам новый герб под стать новому званию и имени, но у меня красок нет. Но я могу сходить в Флеранс и купить их у маляра. Но в таком виде меня сразу задержат. Вот так...

– Дальше...

– Если вы мне одолжите ваш меч, я посижу у дороги и оденусь, а потом и в город сбегая...

– Разбойничать собрался? – констатировал я.

– Ну, а как... одежды ваши мне не по размеру и не по чину. Опять же... цвета... – немного смутился Тук. – Вы не сомневайтесь, благодетель вы мне есть, не сбегу и не выдам вас, господин. Ну, есть еще один способ... Вы подождете какого-нибудь кабальеро и вызовете его на поединок. Ну, а дальше – как Господь решит.

– Вот так просто вызвать на поединок?

– Ну а что такого? За даму сердца или еще по какой причине... И все. А затем имущество его переходит к вам. – Тук недоуменно развел руками, дивясь моей непонятливости.

Ну да... времена такие, все никак не впишусь. Все очень просто. Но вызывать никого на поединок мне не улыбается. Палка о двух концах, знаете ли. Могут эти самые рыцари меня и того...

– Не спеши... – решил я как можно дальше оттянуть решение этого вопроса. – Давай потихоньку двигать к дороге, а там ясно будет. И ты это... слишком много воли взял, пришибу за дерзкие речи твои... понял?

– Ага... – довольно кивнул Тук. – А можно, ваша милость, сыра еще кусочек?..
– Возьми... и это... песню, какую там знаешь, запевай, про баб... скучно мне.

Тук радостно напихал полный рот сыра, бодренько двинулся по тропинке и, прожевав, баском загорланил:

Я в детстве парень был недюжий,
Я хреном гвозди забивал...

Да... со слугой мне повезло. Ну, по крайней мере, пока так. Что дальше будет – не знаю, но очень хочется верить, что не хуже.

Роден неспешно трусил за Туком, а я, покручивая головой по сторонам, обдумывал, как проскочить мимо всех неприятельских пикетов. Тук прав, гербы и цвета здесь вроде паспорта, причем надежного паспорта. Получается, ни один дворянчик по собственной воле не перекарасится: честь рода, фамилии и все такое. И не соврет, когда его спросят, кто он такой, по тем же причинам. Так это родные для этого времени дворяне, не я.

Во наивные...

Мозги современного человека, искушенного в разной казуистике, совершенно не протестовали против изменения личины. Вон сколько у меня титулов; разобраться бы еще, что они означают. Но насколько я понимаю громкие титулы и фамилии, как мои, например, у всех на виду, а про мелкопоместного дворянчика с окраин могут и не знать. Ну, едет себе кабальеро, да и пусть едет. Мало ли куда, может, нехристей воевать или паломничество совершать. Если судить по Вальтеру Скотту, можно себе еще обет какой-нибудь выдумать. И прокатит, надо только с Туком проконсультироваться, а то можно навывдумывать...

Глянул по сторонам. Лес заканчиваться не собирался, наоборот, стал чаще, появились завалы из павших деревьев, но тропинка, по которой вел меня шотландец, виднелась ясно...

– Ваша милость, а можно мне арбалет ваш? – попросил Тук, выведя меня из раздумий. – Может, дичину какую подобью. Так вечером свежим мясом побалуемся.

– Сколько еще до дороги? – поинтересовался я.

И не думая передал арбалет со стрелами шотландцу... Потом спохватился и понял, что сделал явную глупость. Потянулся к эспаде, но Тук, как бы поняв мои опасения, состроил серьезное лицо, стал на одно колено и заявил:

– Ваша милость, не думайте про меня плохого. Клянусь: никогда и ни при каких обстоятельствах не причиню вам вреда. Мужчины из рода Логанов ни разу не нарушали свои клятвы. До последнего дыхания я буду хранить вам верность и защищать ваше тело.

– Да ладно... ничего такого я не думал, – невозмутимо заявил я, качественно покривив душой. – Ты вопрос слышал? Сколько еще до дороги?

– К ночи доберемся, ваша милость. Я как можно дальше забрался, да и вы тоже, – виновато пояснил Тук, осматривая арбалет.

– Хорошо. Тогда начинай искать место для ночевки.

– А чего его искать – скоро будет старая разваленная римская башня, я в ней ночевал раньше, пока не заметил неподалеку людей. Там и остановимся. От нее как раз пару часов до дороги.

– Веди и болтай меньше... Да, и озаботься мясом, – продолжил я разыгрывать из себя подлинного бастарда Жана д'Арманьяка виконта де Лавардан и Рокебрэн. Хотя насколько я догадываюсь, лицедейство мне не очень-то удастся. Настоящим кабальеро надо родиться и быть дитем своей эпохи. А у меня с этим не сложилось. Да и ладно: думаю, пообтешусь до известных пределов, да и частичка настоящего д'Арманьяка, оставшаяся во мне, подскажет.

Продолжили путь, перебрались через мелкую речушку и болотце на ее берегу. Там я приказал Туку нарвать кизилу, и он, пыхтя от усердия, нарвал целый подшлемник.

Еще через пару сотен метров шотландец ловко подстрелил маленькую косулю, выскокившую прямо на нас. Закинул ее на плечи и двинулся вперед, опять горланя скабрзные баллады.

М-да... народец-то хоть и средневековый, но в этом плане не очень от современного отличается... ха... даже поизобретательнее будет, хотя грубее и пошлее.

Когда солнце окрасило кончики деревьев багрянцем, показалась полностью заросшая плющом полуразвалившаяся башня. Когда-то она гордо взмывала вверх, наводя страх на галлов и кельтов, и даже сейчас, почти развалившись, вызывала почтение.

Прикоснулся ладонью к шершавой, поросшей мхом поверхности, внезапно увидел на долю секунды суровых воинов в римских доспехах и шлемах с плюмажами. Видение было мгновенным, но поражало своей реалистичностью... да... за каждым камнем здесь – история. Кровь, сражения... не сразу давались римлянам гордые галлы, или кто тут еще водился.

– Обиходи коня, потом костер разожжешь, – приказал Туку. – Кресало в сумке, а косулю давай сюда.

Попробовал кончик кинжала ногтем и быстро освежевал дичину. Наука нехитрая. Охотой с детства балуюсь. На шкуре быстро порубил мясо на куски, промыл слегка водой, потом притрусил солью из бронзовой солонки и в завершение выдавил на него спелый кизил.

Не терплю плохо приготовленное мясо. Мясо, как и женщина, требует к себе достаточно внимательного отношения, но и в свою очередь легкой небрежности, хорошенько разбавленной грубостью. Никакого сюсюканья. И тогда оно получается достойным настоящего мужчины. Обязательно большими кусками, чуть подгорелыми сверху и недожаренными внутри, с крупинками пепла на румяных бочках, с запахом дыма... мм... Боже, как же я проголодался!..

Быстро ошкурил несколько ореховых прутьев, насадил мясо и уселся ждать, пока прогорит большой костер, запаленный Туком.

– Что сидишь, бурдюк с вином давай.

Перед водружением мяса на костер надо выпить. Святая традиция. Покачал бурдюк в руке... Пара литров осталась. Нормально... Но во что же Туку налить?

Вдруг заметил легкий блеск в кустах возле самой стены башни.

– Посмотри-ка, братец, что там блестит?

Шотландец покопался и вытащил старинный кубок, покрытый грязью и мхом.

– А ну давай его сюда... – Повертел в руках и поскреб кинжалом... Вот это да! Серебро, не иначе, да еще и с камнями красненькими. М-да... в наше время враз бы разбогател с такой находкой. А здесь? А здесь вот так будет...

Окликнул шотландца.

– Очисти его, да получше. Песочком потри. Будет тебе из чего винище хлебать. Да живее.

Пока Тук трудился, я отгреб прогоревшие угли в сторону и приладил на рогульках импровизированные шампуры. Моментально потянуло завораживающим запахом, затрепщали на углях капельки жира.

Мм, вместе с окружающей натуральностью – полный рай...

Налил шотландцу в кубок вина и сделал сам добрый глоток.

– Ну как, орясина? Благодать?

– Ага, ваша милость. Девочек бы еще...

– Это точно... – поддерживаю.

Молодой организм уже прямо кричит и требует. Но решил подразнить бывшего монашка: – Какие тебе девки? Ты же вроде монах?

– Не лежала, ваша милость, у меня к этому делу душа, прости, Господи, за дерзкие слова... – Тук перекрестился. – Насильно отдали. Ну какой из меня монах? Смех и грех...

– Ну да... ладно, считай, я тебя сана лишил, расстрига... Переверни мясо... Да вот так, и вином сбрызни из кубка. Молодец... чего пялишься – удивляешься, как благородный сьер с готовкой управляется?

– Нет, – помотал головой Тук.

– Не ври, собака... так уж и быть, поясню. Вот кто я?

– Ваша милость...

– Это понятно, – перебил я шотландца. – Еще кто?

– Ну... – растерялся Тук. – Кабальеро.

– Это тоже понятно. Кто еще? Стоп... не отвечай; сначала мясо давай. – Взял шампур, подул и вгрызся в обжигающее, шипящее мясо...

М-да... Ради этого стоит жить. Запил вином и продолжил:

– Ну, говори.

– Мужчина? – наконец сообразил шотландец.

– Во-от... дошло наконец. А каждый мужчина должен уметь обиходить себя сам. Даже кабальеро. Жизнь наша полна опасностей, в одночасье можно лишиться и оруженосцев, и свиты – вот как я сейчас. Занятие охотой входит в семь благородных страстей кабальеро и включает в себя не только умение охотиться, но и умение дичь приготовить. Вот скажи, что бы ты сожрал с большим удовольствием: кусок сырого мяса или отлично приготовленного жареного?

– Ну, дык, вештимо, шареный... – прошамкал бывший монах набитым ртом.

– И я тоже. А что же делать, если жрать хочется, а никого рядом нет? Во-от... Мясо жарить, а его жарить – уметь надо. Понял, орысина?

– Да, ваша милость, все понял, – энергично закивал Тук. – Преклоняюсь пред вашим умом, ваша светлость.

– То-то же. Подай еще мяса... Молодец... Но запомни, это касается только походной еды. Остальные разносолы пускай готовят люди, для этого предназначенные. Понял?

– Понял, ваша милость.

– Молодец, давай рассказывай, что ты там насчет герба толковал.

– Ну, так... вот только не бросайтесь на меня с мечом... – Тук опасливо покосился на меня.

– Не буду. Рассказывай... я сегодня добрый. – Тут я не соврал.

Сытная еда, отличное вино и относительный комфорт привели мою светлость в отличное расположение духа. К тому же Тук, как бы это сказать точнее... Правильно себя вел. Я заметил, что парень достаточно умен. Умен не в буквальном смысле слова, а по-житейски мудр и рассудителен, умеет правильно выделять приоритеты. Вот понял, что в его случае единственно правильным решением будет держаться меня – и демонстрирует свою преданность всеми способами. И как-то верится, что он при случае действительно будет защищать своего господина изо всех сил. Не знаю, возможно, он просто человек своей эпохи, в которой все зависит от твоего господина или покровителя, а возможно, здесь именно умение выделять приоритеты. Во всяком случае, я немного расслабился в его отношении, хотел бы он – уже давно всадил в меня стрелу... ан нет.

– Надо герб заменить и поменять титул с именем или вообще снять с себя знаки сословные... – Тук привстал на корточки, готовый при малейшем моем возмущении пуститься наутек.

– Сядь... я два раза не повторяю. Сказал – не буду гневаться, значит, не буду. Вот ты понимаешь, что ты сказал? Предать род, предать предков... опозорить свое имя, сан кабальеро... это неслыханно. В роду д'Арманьяк никогда так не поступали...

Я развивал мысль, стараясь вбить в голову шотландца мысль, что он предлагает мне святотатство и неприемлемые для благородного сеньора вещи. Всем нутром чувствую, идет такой поступок вразрез с образом благородного кабальеро, и Тук может что-то заподозрить.

– Объясни мне ход твоих мыслей.

– Ну как, ваша милость... понимаете... когда перед лицом маячит эшафот, не до благородных манер. Вы уж извините, но про вашего отца легенды ходят. И как его ненавидит благочестивый руа франков Луи – тоже не секрет. Луи не оставит вас в покое. Вы его козырь против вашего отца. Я, со своей стороны, понимаю, что неспроста вы из Лектура бежали. Простите за дерзкие слова, но если есть цель, то ее надо достигать любыми путями...

– Не твоего ума дело – цели мои, – прервал я Тука.

М-да... Парень действительно умен не по сословию и времени.

– Я терплю дерзкие речи твои, ибо добр сегодня. Вот скажи, если ты так мыслишь, почему бы тебе не донести на меня? И вину свою покроешь, и, может, милостей отвалят.

– Ну как? – Парень заколебался. – Я же поклялся, а род Логанов...

– Вот не лги мне... – рыкнул я. – Истинную причину говори и не испытывай моего терпения, собака. Я твою душонку насквозь вижу. Ответствуй.

– Все просто, ваша милость. – Тук склонил бритую голову и тихо ответил: – Не будет милостей за вас; по крайней мере, мне. Все получит тот человек, кому я донесу... дурное это дело. А я как должен был пойти на эшафот, так и пойду. Но... можете меня прибить... даже заколоть, но я тоже честь имею, хоть и покрыл свою голову постыдными делами. Я истинный сын своего рода... и за добрые дела всегда воздаю сторицей. Вы же меня спасли, не дали сдохнуть как зверю. Накормили, одели, на службу взяли... я даже сначала не поверил, худое про вас мыслил. Так не бывает... вы же благородный кабальеро... Зачем вы это сделали, ваша милость?

– Не причитай... На еще немного вина, и веток в костер подбрось... – Я не знал, что ответить слуге.

Не рассказывать же, в самом деле, кто я и что казнить первого встречного у нас не принято.

– Зачем, говоришь? Все тоже очень просто. Видение со знаменем было у меня, когда в беспамятстве лежал.

– Какое видение, ваше милость? – Тук благоговейно вытаращил глаза, и мне стало даже немного стыдно за обман невежественного средневекового парня.

– Святой... – Я напряг мозги, стараясь вспомнить хоть какого-то подходящего к эпохе персонажа. – Святой апостол Петр осенил меня крестным знаменем и напутствовал.

– Сам апостол Петр... – ахнул шотландец и стал истово креститься.

– Да... именно он. Изрек... – Теперь я мучительно придумывал, чего же он там изрек. – Изрек он... говорит, предназначено тебе спасти душу раба божьего на пути твоём. Очисти его от скверны и принять участие в судьбе его. И будет он тебе верным слугой, и совершишь ты богоугодное дело тем самым... Вот так, Тук. А не будь знаменья, то мой меч – твоя голова с плеч, ибо ты преступник, греховодник, вор и подлая душа. Теперь понятны тебе действия мои?

– Да, ваша милость, богоугодные дела вы вершите.

– Ладно... я же добрый сын церкви нашей, в отличие от тебя, распутник. Так ты мне и не ответил, что там в гербе моем надо изменить.

– У вас лента бастарда и червлёные львы по четвертям... вот если полосу убрать и на первой и четвертой четверти львов тоже извести, получится герб сьоров де Сегюр.

– Откуда они, эти... де Сегюры и откуда это ты знаешь?

– Это один из ленов ваших же земель. Переписывал я как-то труд аббата де Брюльи, там и видел, а я ежели что раз увидел, до самой смерти помнить буду.

– Не бубни... Ну, переделаешь ты – и что? Мало того, что гореть мне в аду за грехи, порочащие род мой, так и в городе обман распознать могут...

– Ваш грех я на себя возьму... – Тук три раза подряд перекрестился. – Да и не большой это грех. Лен-то этот – ваш, и вы всегда можете принять название его. Да и не будем мы в городах задерживаться... А куда, кстати, мы направляемся, ваша милость?

– Не дерзи, собака. А направляюсь я в Арагон ко двору рея Хуана, а ты... запомни, хам, ты сопровождаешь меня. Вот так! – назидательно рявкнул я и швырнул костью в шотландца.

Вот не лежала у меня душа, честно говоря, так строить своего новоиспеченного слугу, но роль свою надо было играть до конца. Насколько я понимаю, не бывало в эти времена добреньких дворян, да еще и ведущих себя запанибратски со слугами. Вот пройдет время, произведу его в оруженосцы... Кусочки знаний подсказывают, что можно, тогда и посмотрим, а пока только так. Ну и милостивым, как смогу, буду.

– Ладно, ближе к городу обговорим еще раз... Тебе сколько денег надо – приобрести облачение, доспехи и оружие, приличествующие слуге моему?

– Ну, я не знаю, ваша милость... Сколько сочтете нужным и как пожелаете меня облачить... – замялся Тук.

– Не хитри, скотина...

Я покопался в мошне, висевшей у меня на поясе. Вроде две монеты золотые, такие же, как у меня в казне, три серебряные и горсть медяков... Ага, соответственно франк, су и денье... Сколько же дать? А, была не была... забрал оба золотых и кинул Туку.

– Держи, собака, и помни мою доброту.

– Ваша милость... – ахнул шотландец и кинулся целовать руки.

– На место... – Спрятал руки, но недостаточно быстро: успел облизнуть все-таки, урод.

Э-э-эх, кажись, все-таки попал впросак. Много дал... Да и ладно, не забирать же назад.

– Это тебе с жалованьем далеко наперед, понял?

– Понял, понял, – торопливо закивал шотландец и засунул монеты за щеку. – Экипируюсь, как положено. Все возьму, не сомневайтесь.

– Я и не сомневаюсь, – буркнул я. – Так, я буду спать. А ты службу носи. Под утро разбудишь и сам немного отдохнешь. Да... прибери остатки еды и костер поддерживай... все, отбой.

Я прилег на вальтрап, закутался в плащ, положил под голову седло и почти мгновенно заснул. Вино и сытная еда разнежили, да и настроение было не самое плохое.

Все пока складывалось как нельзя лучше, и что-то подсказывало, что так и будет дальше.

Эх, Жан Жаныч... мы еще города на копье и выкупы за пленных брать будем... Людито тут по-своему наивные, ёптыть. Это как в анекдоте про Василия Ивановича и Петьку: «И тут мне как поперло...»

Жизнь рыцарская такая!

И герцогинь... это... поклонять куртуазно хочу обязательно...

И вообще всех поклонять.

Романтика, ёптыть...

Глава 4

– ...запомни, сын мой, тяжкие это времена, чувствует мое сердце – они наступят очень скоро... – Невысокий коренастый человек с головой, растущей прямо из плеч, обращался ко мне, стоя с факелом в руках.

– Да, отец... – сам того не осознавая, ответил я. – Клянусь родом и честью: распорядюсь в случае нужды согласно заветам вашим.

Стояли мы в длинном темном помещении со сводчатым потолком, сложенным из тесаного камня. У противоположной стены стояло несколько сундуков, окованных железом, и запечатанные бочонки.

– Отец мой так же завещал... – Мужчина вдруг исчез в ярких лучах солнца.

– Что он вам завещал, что?.. – Я внезапно проснулся и зажмурился от лучиков света, пробивавшихся сквозь листву.

ТЬфу ты... Сон приснился, прям как наяву, воспоминания Жан Жановича пробиваются... Что там, в сундуках, интересно? Точно золото и брильянты, а что еще... Надо при случае сон досмотреть: может, что полезное и увижу.

Потянулся и встал.

Тук бдил с арбалетом на коленях.

Роден, всхрапывая, щипал травку, покрытую росой; увидев, что я проснулся, фыркнул, шагнул ко мне и сунул голову мне под мышку.

– Хороший, хороший конь... – потрепал я его по холке. – Сейчас я тебя напою, красавец.

Сходил к ручью, обмылся до пояса, потом набрал воды в кожаное ведро и напоил коня.

Тук еще не лег.

– Чего ты сидишь, идиот, ложись, пара часов у тебя есть подремать. Я же тебе вчера говорил...

– Я не идиот, ваша милость... – обиделся Тук. – Я латыни обучен. Отец пономарь две дубины об меня изломал, но заставил выучить требник наизусть...

– Ну не идиот, ладно, все равно ложись... – Видимо, я опять что-то не то ляпнул.

Тут все наоборот получается. Хорошо, что хоть заметил, как тут крестятся, еще не хватало в еретики записаться. Вон Варфоломеевская ночь не за горами.

Прикрикнул на слугу:

– Ложись, сказал!

Скинул колет и, оставшись в одной камизе, потянул из ножен эспаду и дагу. Надо тренироваться как можно чаще. В любой момент понадобится может. Вот еще бы учителя получше найти... Весь опыт работы с дагой у меня ограничивался участием всего в двух семинарах известного мастера Пабло Фернандеса, ну еще чуть-чуть сам тренировался. С саблей, конечно, все совсем наоборот, но, как я уже говорил, это не совсем то, что надо здесь и сейчас.

Сначала повторил все приемы маневрирования, потом все батманы и контртемпы, затем мулине и закончил финтами. Подобрал ритм и с возрастающей интенсивностью еще пару раз все прогнал по кругу. Тело чертова кабальера сопротивлялось, тормозило, но я загнал себя как лошадь, взмок, и все-таки осталось недовольство. Работать еще и работать, хотя прогресс есть.

Хотел опять идти к ручью, как увидел вытарашенные глаза Тука, который спать и не собирался, а тайком подсматривал за мной.

– Чего вылупился, монашек?

– Ваша милость... вы... вы великий мастер, я такого никогда не видел.

– Что не так? И что ты вообще мог видеть, деревенщина?

– Я видел много схваток, я постоянно прислуживал в монастыре, когда наш аббат тренировался, а он великий мастер, он иногда даже допускал меня потренироваться с ним, вы же все делаете очень быстро, гораздо быстрее и по-другому.

– Ты умеешь работать с оружием?

– Да, ваша милость. Предпочитаю шотландский палаш, глефу или алебарду. С детства отец учил. Да и опыт есть, два раза ходил на род Макги, за передел земель клана.

– Молодец. Если не хочешь спать – значит, не будешь. Идем, польешь мне...

Сколько было времени, когда мы двинулись в путь, я не знаю, такое понятие, как наручные часы, станет актуальным только через несколько веков. Приходилось ориентироваться по солнышку. Так вот, оно уже поднялось на ладошку над деревьями, зато я успел отлично потренироваться, плотно позавтракать остатками жареного мяса и насовать оплеух Туку, когда он вздумал отказаться от умывания.

Лес становился реже, мощные дубы все чаще перемежались густым подлеском, пару раз тропинка терялась, но шотландец уверенно находил ее вновь.

– Совсем недалеко осталось, ваша милость, скоро будет дорога паломников, вы бы щит перевернули гербом внутрь, что ли...

Каких паломников будет дорога? Решил не спрашивать: все же родовые земли, и я просто обязан это знать, но щит спрятал в чехол, нашедшийся в переметной сумке.

Вдруг донеслись истошные вопли и пронзительный женский визг, перемежаемый хохотом и грубыми криками...

– Что за черт? Где-то недалеко...

– Не поминайте имя нечистого всеу, ваша милость, грех это. Я быстро... – Тук, на ходу взводя воротом арбалет, быстро исчез в кустах.

Я спешил, привязал Родена и тоже двинулся вперед, похвалив самого себя за предусмотрительность, заставившую надеть с утра кольчугу и кирасу. Вот, кажется, и пришло время применить свои умения на практике...

Черт, а стремно-то как...

Мужские вопли тем временем стихли, раздавались одни женские крики, перемежавшиеся хохотом и гиканьем.

Приметил направление и стал осторожно продираться сквозь кусты. Голоса стали громче...

– Ваша милость... – появился шотландец. – Там разбойники. Грабят, однако.

– Сколько их?

– Десяток. Вооружены чем попало. Есть луки и рогатины, у нескольких – мечи. Я могу по крайней мере трех пристрелить, пока они спохватятся. Ну они нам не противники. К тому же там парочка девок есть, мужиков-то они уже кончили. Ну что, идем? – Глаза Тука горели азартом.

– Suka... – ляпнул я вслух по-русски.

Вот же напасть! Придется вязываться в заварушку. Не хватало еще в глазах собственного слуги упасть ниже плинтуса. Десять человек! Это же армия, в натуре.

– Ваша милость, надо думать быстрее... – поторопил шотландец. – Пока они заняты.

– Пасть закрой, зубы повыбиваю... Я здесь решаю, смерд, – зашипел я на Тука, восстанавливая свое реноме. – Смотри. Делаешь выстрелов столько, сколько сможешь, а когда они спохватятся, вступаю в дело я. Ты же, когда я их займу, продолжай стрелять. Понял?

– Ага... – радостно кивнул шотландец.

– Возьми с коня меч; не дай бог потеряешь – распну лично. Идем.

Будь у меня полный доспех для коня и владей я искусством конного боя, как любой из местных кабальеро, то тактика напрашивалась очень простая и сверхэффективная. Деся-

ток легковооруженных разбойников для конного рыцаря не соперники вовсе. Разметать конем, с седла дорубить остальных, и всех делов-то... Ан нет, не могу. Коня сгублю и сам сгину. Не владею я этим искусством.

Чертыхаясь, направился за Тук. Когда крики и гогот стали слышаться совсем рядом, сделал знак шотландцу обойти поляну с другой стороны.

Сам, пригнувшись, прошел еще несколько метров и осторожно раздвинул ветки.

Ёптыть... Классическая картина. Злые разбойники изобретательно угнетают добрых пейзажистов. В данном случае только пейзажист.

На большой поляне стояло несколько телег и небольшой крытый возок. Лошади привязаны к деревьям. Валяются с десятков трупов в лужах крови, а возле телег на травке разношерстно одетые мужики употребляют по назначению двух женщин. Бедняжки уже даже не визжат, только тихо и болезненно стонут.

Еще несколько злодеев роются в сундуках и корзинах.

Сколько их всего... ага, так и есть, десятеро.

Четверо попарно сношают двух девок, шестеро мародерничают.

Еще три женщины и пожилой мужик у возка связанные сидят.

Разбойничающая братия вооружена разношерстно. По крайней мере у двоих прямые мечи, у третьего – длинный нож и лук. У остальных колющего и режущего не видно, побросали, наверное, мешает предаваться разгулу.

Ну, монашек, не выдай: трое по меньшей мере твои.

Мама дорогая, чего же так ноги трусятся...

Находящийся в сторонке от остальных разбойник, увлеченно роющийся в кожаном чемодане, вдруг без звука упал лицом вниз. Из его затылка торчал арбалетный болт. Ржание лошадей, хохот разбойников совсем заглушили щелчок выстрела, и остальные не обратили на внезапно умершего товарища никакого внимания, один из них как раз напялил на себя кружевной чепец и кривлялся, изображая девку.

Ну же... Есть! Второй завалился на бок, пуская кровавые пузыри и судорожно хватаясь за шею, в которой торчал болт.

На этот раз разбойники повскакивали и загомонили, хватаясь за оружие.

Один из них вложил в тетиву длинного лука стрелу и застыл, всматриваясь в заросли.

Давай же... Должен успеть...

Есть!

Парень с луком завалился на спину с болтом в груди.

Мой выход. Они уже поняли, откуда стреляют...

Выскочил из кустов и, пробежав несколько метров, с налету рубанул по затылку ближайшего ко мне разбойника в бурых суконных колготках и драной кольчуге до пояса. Мужик ничком повалился на землю с разваленной почти пополам головой. Выкрутил руку и на обратном махе рассек лицо второму, успевшему обернуться. И уже на ходу вбил клинок в низ живота, под ржавый нагрудник, третьему. Успел заметить в его раззявленном воплем рту гнилые пеньки зубов и пнул ногой, снимая тело с клинка.

Развернулся к телегам и как раз увидел, как на землю оседает с болтом в животе еще один разбойник. А затем, ломая кусты, на поляну с ревом влетел Тук и снес одним махом голову следующему.

Из двоих оставшихся один сразу упал на землю и прикрыл голову руками, а вот последний оставшийся в живых, здоровенный детина в справной панцирной кольчуге до колен и шлеме-мисюрке, успел отскочить и даже отмахнуться длинным фальшионом от шотландца.

– Тук, назад! – заорал я. – Он мой!

Шотландец отбежал в сторону и переместился за мою спину. Умница... Вот только какого хрена я это заорал... Опять гребаный бастард из меня вылез...

– Иди сюда, смерд.

Я встал в классическую стойку. Дага в согнутой руке у груди, эспада кончиком клинка смотрит в лицо детине.

Разбойник не стал себя упрашивать, подбежал и с хеканьем рубанул клинком сверху вниз.

Ну это слишком просто, парень... Я щелкнул эспадой по его фальшиону, сбивая клинок в сторону, и, одновременно с шагом вперед, ткнул его дагой в шею, засадив ее до чашки. Крутанул кистью, проворачивая клинок. Шаг назад... Все!

Громила булькнул, захрипел, зажимая рану, из которой толчками били струйки темной крови, и рухнул на колени.

С непонятым удовлетворением, граничащим с сексуальным наслаждением, я пнул это тело ногой, заваливая на землю, и обстоятельно вытер о его штанину лезвие эспады.

Не понял...

Твою же мать, что со мной? Мне ЭТО нравится... Тошнотворный запах крови пьянит, как аромат изысканного вина, предсмертные хрипы радуют и бодрят.

Что за хрень?

Даже потряс головой, отгоняя наваждение... Нет, не прошло, все так же прет...

Адреналин сейчас мозги взорвет...

Каждая клетка тела переполнена возбуждением и наслаждением этим отвратительным зрелищем...

Твою мать, да у меня стояк! Нет, радость победы на дорожке, особенно когда я выиграл Олимпиаду, была очень похожа, но не до такой же степени!..

Надо срочно отвлекаться и потом разбираться со своими впечатлениями, по любому это не я, а гребаный бастард д'Арманьяк. Лично я, прежний, уже блевал бы дальше, чем видел.

Оглянулся... Тук связывал оставшегося в живых разбойника.

Тот, которому я всадил в живот эспаду, скрутился калачиком на земле и вибрирующе выл.

Еще один получивший болт в середину груди содрогался в конвульсиях, рыхля ногами землю и судорожно вырывая руками пучки травы.

Остальные вроде готовы.

Господи, помимо трупов, организованных нами, на поляне валялось еще десяток других... жутко изувеченных и расчлененных.

– Тук, помоги им... – махнул рукой в сторону недобитых разбойников. – Нет, стой, сначала ко мне. Как ты там говорил? Кто я?

– Шевалье де Сегюр, ваша милость, – заговорщически зашептал Тук. – Совершаете поездку в Арагон, желая влиться в христианское войско на борьбу с нечестивыми агарянами.

– Ага, понял... – И зашагал к связанным людям.

Подошел поближе и понял, что они не дворяне. Возможно, зажиточные горожане, но никак не благородное сословие. Это было видно по покрою одежды. Ткани добротные, возможно – дорогие, это даже я могу понять, но покрой простоватый и все в одних оттенках.

Разрезал веревки, сделав шаг назад, чуть склонил голову и немного пафосно произнес:

– Вам ничего больше не угрожает. Вы свободны.

Пожилый мужчина с ходу повалился на колени, пытаясь поцеловать мои сапоги. Пожилая женщина, запричитав, тоже повалилась на землю, а две девушки, очень похожие друг на друга, такие черноволосые кудрявые очаровашки, просто обнялись и разрыдались.

– Хватит слезу пускать... – Я сделал еще шаг назад. – Кто вы такие и как сюда попали?

– Исаак бен Маттафий, ваша милость, ювелир из Лектура, ваша милость... – Мужик никак не хотел отпускать мои ботфорты.

Вот так так... Скажи еще, что ты меня знаешь...

– Вы меня должны помнить, ваша милость, вы изволили заходить ко мне в лавку...

М-да... за что боролись, на то и напоролись. Ну что, дать команду Туку порубать и их... а девок сначала попользовать по назначению?.. Вот ни капельки не верю, что еврей меня не выдаст. Только доберется до первых королевских стражников – и пожалуйста...

Стоп, а как он выбрался из города?

– Как ты выбрался из города? – озвучил я свою мысль.

– Горе... горе постигло город... Нет больше славного Лектура, – запричитала женщина, очевидно, жена ювелира.

– Как нет? Что с отцом? – Я схватил еврея за воротник и вздернул вверх.

– Нет, ваша милость, славного конта Жана Пятого. Как бог есть... разорвали франки на клочки вашего батюшку, – прошептал ювелир, стараясь не смотреть мне в глаза.

– Рассказывай!

– Добился он почетной капитуляции, впустил войска кардинала Жоффруа в город, а они начали резню, и вашего батюшку первого закололи и выбросили на улицу... Какое горе, ваша милость...

– Заткнись... – Отбросил ювелира в сторону и пошел к лесу.

Как же это?.. Что теперь?.. – задавал я себе один и тот же вопрос на разные лады и никак не находил на него ответ.

Никаких родственных чувств к своему гипотетическому папаше я не испытывал, да и какой он лично мне отец? Разве что прежнему обитателю тела, от которого, кроме самого тела, мне достались неясные кусочки памяти и остаточные выбрыки в характере. Я все это прекрасно понимал, но все-таки чувствовал странную тоску по человеку, которого никогда не видел. Представлял только как единственного союзника в этом совершенно чужом для меня мире и вот сейчас неожиданно его лишился...

– Ну и что дальше... – Я со злостью срубил куст папоротника.

Приехали! Ни титула, ни имени... Ничего вообще, твою мать. Хоть с маврами езжай воевать. Ну, Луи... задал ты мне задачку...

Вдруг в голове возникло совершенно ясное видение ослепительно красивой женщины в монашеском одеянии...

Кто это?

Вот дурень... Это же моя мать! Ясно же было писано в дневнике, что я зачат от связи брата и сестры. Где она? Память услужливо напомнила, что мать в монастыре в Валенсии, и добавила, что после ее пострига отец женился законно на Жанне де Фуа, дочери Гастона, графа де Фуа, принца Вианского и Элеоноры Арагонской, инфанты Наварры. И Жанна была подле отца в городе... Она же была на сносях... Это получается, она носит брата или сестру мою.

Не-э-эт... Ничего еще не кончилось! И дядюшка Шарль в Бастилии сидит... Есть кого спасать. Ну, Луи, держись...

Далеко я уйти не успел, развернулся и помчался опять на поляну – забрезжил вновь найденный смысл жизни в этом мире. Именно забрезжил: что делать дальше, в деталях я так и не представлял пока.

Тук, насколько я понял, прикончил раненых разбойников и сейчас преспокойно и методично обшаривал карманы трупов.

Старик-еврей с женой и дочерьми стояли на коленях возле безжизненного тела и читали какие-то молитвы на незнакомом мне языке.

Еще две девушки, похоже, служанки, именно те, над которыми разбойники беспредельничали, собирали разбросанные вещи и складывали их в телеги.

Какой-то он непонятный еврей... Насколько я помню, они должны в это время одеваться по-другому. Знак на них вешали, кажется, или шапки специальные заставляли носить... Точно не помню. Да и ювелиром он не может быть... Из цехов гнали взашей всех инородцев. Это уже позже они это ремесло оккупировали. Точнее не знаю. Да и эти крохи я почерпнул из потрепанной книжечки без обложки, валявшейся в родительском доме. Как раз приезжал им помочь по хозяйству и дом подправить. Ну, ладно... Сейчас все это и выясню попутно. Мне главное – узнать про мачеху.

Тем временем ювелир закончил молиться и, оставив женщин подле тела, подошел ко мне.

– Кто это там лежит? – спросил я его.

– Племянник мой, ваша милость... – скорбно ответил еврей. – Кинулся на разбойников и погиб сражаясь. Воинственный был мальчик.

– Все мы когда-нибудь умрем. Рассказывай все от начала до конца и не вздумай ничего утаивать. Почему ты без знака? – Особо церемониться с иудеем я не собирался.

С ними, насколько я знаю, никто в эти времена не церемонился. Ничего против них не имею... в своем времени, но, к сожалению, я сейчас не в нем. Главное сейчас – не выдать себя излишней толерантностью и терпимостью. Последствия могут быть совсем непредсказуемыми.

– Я и моя семья – выкресты. Вы должны это знать, ваша милость... иначе я никак не стал бы ювелиром.

М-да... опять ляпнул, не подумав, надо постараться исправить положение.

– Я почти ничего не помню, еврей. Был ранен во время ухода из города и потерял память, но речь не об этом. Ты и твоя семья творили не христианский обряд возле тела! Знаешь, что за это бывает? Ты продолжаешь исповедовать веру свою, несмотря на крещение? – вкрадчиво спросил я еврея.

– Знаю, ваша милость... – Ювелир опять упал на колени. – Не выдавайте, ваша милость, по гроб своей жизни благодарны мы вам и будем еще больше благодарны. Ваш отец всегда был расположен к моей семье...

– Почему ты назвался еврейским именем, а не христианским?

– Так вы знали меня именно под ним... зачем скрывать...

– Встань, старик. Не выдам я тебя. Встань, я сказал. Рассказывай все по порядку. Как погиб мой отец? Стой... Сначала обдумай все, а я пока отдам распоряжения слуге.

Оставил старика и подошел к Туку.

– Всех ободрал?

– Да, ваша милость! – радостно осклабился шотландец и подкинул на ладони тугую кошину. – Все сюда собрал. Еще не считал, но тут почти только серебро. Меди мало. Это разбойнички жидов пощипали. Сами-то они дрань дранью. А вот сюда я собрал цацки всякие. Прикажете еще жидов поосновательней тряхнуть?

– Нет. Сначала я с ними потолкую. Ты пока выбери себе подходящее оружие и облачение. И доспех, если есть. Да... сходи за Роденом и присмотри себе коня здесь, – показал рукой на привязанных лошадей еврейской семьи. – Служанок драть только по согласию. Понял? И посматривай вокруг.

– Понял... – сразу поскуичел Тук, но вслух недовольства не высказал, побежал выполнять распоряжение.

Вернулся к ювелиру. Старик стоя ждал меня там, где я его оставил.

Служанки его уже расстелили на траве ковер и положили на него несколько подушек.

Да... странностей все больше. Если ювелир говорит, что город разграбили, то как ушел он со всем имуществом? Вот только попробует, собака, врать – напушу на него Тука...

– Ваша милость, позвольте предложить вам сесть... – Еще раз склонился в поклоне старик.

– Позволяю... – опустил я на ковер и показал ему рукой на место напротив себя.

Вот даже не знаю, правильно поступаю или нет. Вроде нормально. Старик крещеный, то есть уже совсем не еврей. Да и не могу я его стоя заставлять рассказывать. Судя по виду, ему крепко от разбойников досталось.

– Давай рассказывай, как погиб отец.

– Позавчера он объявил почетную капитуляцию на условиях неприкосновенности его людей и города. Руа франков даровал ему право проследовать для личного оправдания ко двору. Но как только войска кардинала Жоффруа вошли в город, началась резня...

– Подробнее давай...

– Начали ее вольные лучники Гийома де Монфокона... а его светлость графа убил лично некий Пьер ле Горжиа. Тоже лучник. Я слышал, как он пьяный горланил об этом.

– Я запомнил эти имена... – От злости я даже зубами заскрипел.

М-да... Не ожидал я от себя таких эмоций. По сути, граф мне никто... а подсознательно родственные чувства все-таки сказываются.

Приказал еврею:

– Продолжай. Где жена моего отца?

– Она невредима. Ее сегодня должны были отвезти в Родез со всей ее свитой, под охраной. Это я слышал от самого кардинала.

– Дальше.

– Город полностью разграбили и разрушили, а в довершение еще подожгли. Жителей почти всех убили... – По щеке старика покатила слеза. – Там остались сын мой и брат с семьей. Я не успел их спасти.

– Как ты сам спасся? Я смотрю, ты даже имущество с собой прихватил? Говори правду.

– Выкуп заплатил... Выкуп! Меня сразу с семьей, со всеми, кто в доме находился, взяли в плен люди самого кардинала и под страхом смерти запретили остальным причинять вред нам. Дело в том... – Старик замялся.

– Говори. Не бойся.

– Я... я имел раньше с ним дело... и с самим руа франков тоже. Устраивал им займы, договаривался с некоторыми евреями в Оше и других городах вплоть до Валенсии, Арагона и Барселоны.

– Как? Тебя не презирают твои соплеменники за измену вере?

– Нет, ваша милость. Мы многострадальный народ, и законы наши позволяют, дабы отвести смерть, принимать чужую веру. К тому же деньги и дела, связанные с ними, не имеют ни веры, ни национальности. Я уважаемый человек среди своих... Да и не только. Вы же знаете, хулу на нас возводит низшее духовенство и чернь, сильные же мира сего предпочитают приближать и пользоваться нашими услугами...

– Я это знаю... – соврал я, хотя ничего подобного и не подозревал.

Да, все верно. Деньги, деньги... и еще раз деньги.

Поинтересовался:

– Как вы попались разбойникам?

– Из Лектура нас вывели люди кардинала и сопровождали по пути Святого Иакова пять лиг, как им приказал кардинал Жоффруа... А потом они вдруг стали требовать совершенно неподъемную сумму, чтобы охранять нас дальше... – Еврей всплеснул в негодовании руками. – Да, ваша милость, требовали очень большие деньги за сопровождение до Оша. Откуда у меня? Все, все до последнего су отдал на выкуп.

– И вы решили следовать дальше сами. Так?

– Да, ваша милость. Со мной было шесть дюжих вооруженных слуг и Самуил... простите, ваша милость... Симон, племянник мой. Очень искусный в обращении с оружием мальчик, храбрый и сильный как Давид. До этого самого места дошли нормально, у меня есть охранная грамота от кардинала, но стало темнеть, и мы сошли с дороги для ночевки. Кто же мог подозревать, что на нас нападут эти коварные филистимляне. Нас таки застали врасплох... Ваша милость, гора мускулов без мозгов – это бедствие. Да, это мои слуги – их вырезали очень быстро. Симон дрался как лев и поразил четырех разбойников. Но он не успел надеть доспехи, и его коварно убили стрелой. Пепел на мою седую голову, не убе-рег я надежду нашего рода... – заплакал еврей.

– Не спеши посыпать голову пеплом. Я вижу, у тебя еще две красавицы-дочери.

– Да, ваша милость. – Ювелир гордо улыбнулся и позвал дочерей. – Девочки мои, идите сюда и благодарите нашего спасителя.

Девушки вместе с матерью подошли. Мать осталась чуть в сторонке, а дочки ювелира повалились мне в ноги.

– Встаньте, девочки, и представьтесь, – приказал я, чувствуя определенную нелов-кость.

Что за мода: чуть что – падать в ноги... хотя признаюсь, ощущения от этих поклоне-ний были двойственные... даже немного нравилось. Но этот момент я списываю на остатки бастарда во мне... возможно.

– Мария-Луиза, ваша милость, – прошебетала девушка чуть плотнее и повыше и при-села в приветствии.

– Анна-Мария, ваша милость, – представилась вторая, что сложением изящнее, и неожиданно густо покраснела.

Надо сказать, что дочери у ювелира очень милостивые. Несомненно, в них просмат-ривались признаки семитской крови. Выбывавшиеся из-под чепцов волнистые волосы цвета воронова крыла. Легкая смуглость, характерные носы и красиво очерченные полные губы, развитая, несмотря на возраст, грудь. Но все это только подчеркивало их экзотическую кра-соту. Хороши девочки... где-то лет по пятнадцать-шестнадцать... в самом соку...

– Эугения-Магдалина, ваша милость. – Жена ювелира повторила вслед за остальными процедуру падения на колени и принялась целовать мне руки. – Пусть хранит вас святая Богородица...

– Встань... – Я поднял за руку женщину. – Не надо. Я сделал то, что сделал бы любой кабальеро...

И жена... жена тоже у еврея еще о-го-го... плотная дама лет сорока пяти с выдающейся, разрывающей лиф грудью и крепким задом. Даже личико еще пышет свежестью, ярко выра-женные еврейские, скорее даже испанские, черты лица...

Так, надо брать себя в руки, а то мое упавшее было естество вновь стало наливаться силой.

Да, кстати, эти дамы, вопреки возведенной на них современными историками хулы, не воняли. Совсем. От Эугении-Магдалины даже пахло чем-то цветочным: кажется, розами.

– Куда вы следовали? – поинтересовался у ювелира.

– В Ош, ваша милость. Планировали остановиться у родственников. Мой родной брат там проживает. А потом? Потом – не знаю. Скорее всего, отправимся в Барселону. Это родина моей жены... Хотя не представляю, как дальше жить. Мы разорены, полностью разорены...

Вдруг раздался испуганный крик, я обернулся и увидел, как Тук поднимает за шиворот оставшегося в живых разбойника и ставит его на колени с целью... Ну, с какой еще целью? Конечно же хочет лишить его головы. Ну и хрен с ним. Пусть рубит. Начнешь выпыты-вать, зачем он стал разбойничать, услышишь душеспитательный рассказ о печальной судьбе

и нужде, выведшей его на большую дорогу... и самое неприятное – что это, скорее всего, правда.

Некогда мне... м да... быстро выветрился налет цивилизованности, а может...

Раздавшееся хекание Тука, свист, тупой стук и шум падающего тела просигнализировали о том, что все мои намерения поучаствовать в судьбе разбойника и наставить его на путь истинный уже опоздали.

М-да... Надо будет в следующий раз соображать быстрее...

– Я не смогу вас сопровождать до Оша... – высказал наконец-то свою мысль еврею. – Я спешу по своим делам. Но сейчас день, и, я думаю, вы благополучно доберетесь до Флеранса. Да и мое общество, как вы понимаете, вряд ли будет вам полезным, а скорее всего – опасным. О моем положении ты прекрасно осведомлен.

– Я понимаю, ваша милость. – Ювелир склонил голову. – Во Флерансе я найму охрану до Оша. А сейчас я хочу отблагодарить вас...

– Ты можешь отблагодарить, предоставив в мое распоряжение одну из лошадей и некоторую одежду для моего слуги, – прервал я еврея. – Сам видишь, он остался практически голым.

– Этого мало, ваша милость. Вы совершили несоизмеримо больше, чем моя скромная благодарность. – Еврей торжественно поднял палец. – Но мне кажется, мы еще встретимся, и я смогу быть вам полезным, а пока, в дополнение к коню моего племянника, позвольте подарить вам его доспехи и оружие. А помимо этого, еще одну маленькую безделицу.

Ювелир встал, подошел к возку и, склонившись, стал ковыряться в его днище. Потом заглянул еще внутрь и вернулся с письменными принадлежностями.

– Примите для начала от меня вот это. – Старик протянул на ладони золотой перстень.

Массивный, грубоватый, но по-своему изящный и красивый, по центру большой, ограниченный в виде кабошона рубин, окруженный россыпью изумрудов.

Благодаря своей бывшей женошке я за годы совместной жизни научился разбираться в ювелирных изделиях. Еще бы... Большую часть моих и своих заработков Людка спускала на побрякушки.

Да... Ценная вещь, не знаю, как по нынешним временам, но в современное мне время это целое состояние, особенно камень.

– Это моя работа. Лал родом из Персии, – гордо заявил ювелир. – Вы всегда, в случае нужды, можете этот перстень продать, но я прошу вас по возможности сохранять его. Я знаю, что он принесет вам удачу. И сейчас я напишу рекомендательное письмо. Насколько я понимаю, вам нужно как можно быстрее выбираться из земель руа франков в безопасное место. Значит, практически наверняка вы окажетесь в Арагоне. В Сарагосе найдете Эзру бен Элизеера, он скромный меняла в еврейском квартале, и покажете ему мое письмо. Поверьте, этот достойный человек при вашей нужде поможет вам в довольно больших пределах.

Ювелир быстро, каллиграфическим почерком начертал несколько строк, сделал оттиск своей печати и посыпал бумагу мелким песком. Потом стряхнул его, свернул письмо в трубку, сложил в пенал и подал мне.

– Вот, ваша милость.

– Почему ты так щедр? – Честно говоря, я не ожидал столько благодарностей от ювелира.

Несмотря на многие байки о скупости евреев, достаточно часто оказывающиеся правдой, Исаак абсолютно не показался мне прижимистым. Это могла быть просто сиюминутная слабость, вызванная впечатлениями от спасения, или действительно истинная натура еврея. Но... что-то мне подсказывало, что, помимо этого, есть еще причины, пока скрытые от меня. Хотя если разобраться, это могла быть обычная расчетливость. Семья оказалась в полном моем распоряжении, ничто не мешало мне продолжить дело разбойников, и ста-

рик просто откупался. Вот даже не знаю, как реагировать... Но в любом случае ничего я не теряю, а только приобретаю.

– Воспринимайте мои дары как осознанную благодарность, ваша милость. Поверьте, я не щедр. Я просто уже много жил и много видел. Судьба – такая своевольная госпожа, что не знаешь, где она наградит тебя, а где накажет... – очень загадочно ответил Исаак. – Но не будем много разговаривать. Идемте, примите доспехи, оружие и коня. И мне, и вам надо спешить.

Доспех оказался полным вариантом кольчато-пластинчатого, такие еще юшманами называют или бехтерцами. Явно не европейского производства, и ювелир это подтвердил, сообщив, что его привезли из Святой Земли итальянские купцы. На первый взгляд он мне впору. В комплект прилагались чешуйчатые перчатки и шлем-иерихонка со сдвигающимся наносником, козырьком, наушами и пластинчатой бармицей типа «рачий хвост», наручи и поножи, а также небольшой круглый щит с коническим умбоном посередине. Доспех новый, не посеченный и на первый взгляд очень дорогой, с золотой насечкой и тонкой гравировкой.

Доспех еще больше укрепил меня в мысли, что ювелир не так прост, как кажется, такую ценность у него в плену должны были отобрать однозначно, и то, что он так просто расстался с ним, более чем доказывало наличие каких-то его планов на меня... или просто... даже не знаю, что сказать. Вот только неспроста все это.

Из оружия мне в наследство достался меч, очень похожий на мою эспаду, с таким же сложным корзинчатым эфесом, только длиннее, шире и чуть тяжелее. Не знаю его названия, прежних знаний не хватает, а бастард не спешит подсказывать. Очень похож на хаудеген, но насколько я помню, оружие такого типа появилось намного позднее. Заточка обоюдоострая, так что явно не палаш. Возможно, какая-то переходная модель или фантазия оружейника. Меч оказался от толедского мастера и тоже очень высокого качества. Племянник ювелира успел покромсать им четырех разбойников, пока его не расстреляли из лука.

– Ваш племянник был хорошим воином, – сказал я еврею в желании сделать ему приятное.

– Да, – печально кивнул Исаак. – Он мечтал быть кабальеро, но понимал, что никогда им не станет. Ему оставалось только упражняться в воинском искусстве. И я, и его отец не одобряли это занятие, но и не мешали. У него была очень светлая голова, и он обещал стать хорошим помощником отцу. Но не будем отвлекаться, ваша милость. Время... время течет не в нашу пользу. Займемся лошадьми.

В завершение я оказался обладателем неплохого жеребца по кличке Роланд. Довольно массивного, хотя он и меньше, чем мой андалузец, но тоже какой-то испанской породы, только менее ценной. С хорошим седлом и упряжью. Как раз для Тука.

На самом деле нам был нужен еще один конь. Поклажи с учетом добычи и наследства от погибшего племянника оказалось много, и я быстро сторговал у ювелира еще одну лошадку, оказавшуюся лишней – у одной телеги отвалилось колесо, и ее пришлось бросить. Обошлась мне иберийская кобылка в три франка. Исаак не хотел брать денег, но я настоял, вызвав у Тука бурю молчаливых эмоций. Ну никак шотландец не хотел понимать хорошего обращения с евреем, даже принявшим христианскую веру.

Тук, пока я вел беседы, отлично прибархлился. Ему достался запасной комплект одежды того же несчастного племянника, и выглядел он в нем более чем прилично. Хотя бритая голова в порезах портила все впечатление. Положение спас обычный гасконский берет.

Из оружия он обзавелся здоровенным фальшионом. Отличной, почти новой кольчугой из плоских колец, содранной с главаря разбойников; по-другому называли бы ее байданой. Шлемом-мисюркой со сплошной бармицей и еще выглядевшим совершенно страхолудно каким-то подобием алебарды.

Вот, собственно, и все, если не считать некоторых мелочей. Таких как прибор для письма, комплект запасного белья и одежды и жуткий набор хирургических инструментов, принадлежавшие тому же покойному Симону. Погибший парень оказался врачом. Ну и собственно денег и ювелирных украшений, собранных Туком с трупов.

Заставил Тука помочь собрать и сложить в телегу трупы евреев и их обслуги. Разбойников же бросили там, где и лежали.

Попрощались и двинулись в путь. Исаак с домочадцами – в сторону Флеранса, а я в – сторону Родеза.

Почему Родеза?

Я собрался догнать кортеж, сопровождающий мою мачеху, вынашивающую моих же, еще не родившихся, братика или сестричку.

Достаточно идиотский поступок... но это на первый взгляд.

Да, мне должно быть абсолютно наплевать на новообретенных родственников. По большому счету оно так и есть, но все же с маленькими исключениями... Ситуация, в которой я оказался, как ни смягчать ее определение, остается полностью... хреновой, если сказать одним словом. Никаких перспектив. Ни в ближайшем будущем. Ни в достаточно отдаленном. Сам по себе я, возможно, и проживу, но наличие такого могущественного врага, как Луи Паук, сводит шансы на это к полностью призрачным.

Мелькали мысли свалить на Восток или вообще податься на Русь, но туда еще добраться надо, да и смысла нет, если честно. Кто меня там ждет?

Остается что?

Единственный выход... сопротивляться. Использовать все возможности, чтобы насолить Пауку. Для чего отправили мачеху в Родез, сомнений у меня не вызывало. Если вреда ей он причинить, скорее всего, не осмелится – все-таки она дочь Гастона Вианского, то ребенок умрет однозначно. Он законный наследник страны Арманьяк, которую Паук так успешно присоединил к своей короне, и конкуренты ему не нужны.

Вот я и задумал отбить мачеху, правда, сам еще не знаю как. И вернуть ее в Наварру, где она благополучно выносит ребенка. Насколько я понимаю, наваррцы тоже явно не союзники Пауку.

Я абсолютный дилетант в средневековой политике, но свой первый шаг вижу именно таким. Прав я или не прав, очень скоро прояснится. Скорее всего, не прав, но знать, что моим еще не родившимся братику или сестричке грозит смерть, и ничего не предпринять – я не могу.

Что же будет дальше? Не знаю... Возможно, захочу увидеть свою мать.

Глава 5

Покачивался в седле и рассматривал карту, которой меня снабдил Исаак. Позади меня следовал Тук, гордо восседая на своем коне и ведя в поводу кобылку, груженную нашими припасами и снаряжением.

Ну что же – едем в графство, или, как здесь сейчас говорят, кондадо Родез. Город Родез находится там же. Надеюсь, что еврей прав и мачеху везут именно туда. Очень надеюсь перехватить кавалькаду на половине пути. Конечно, это маловероятно, хотя кто его знает? Не могу судить о скорости передвижения по средневековым дорогам, я их даже пока в глаза не видел. Мы вообще еще из леса не выехали. Д'Артаньян у Дюма вроде быстро передвигался...

В общем, мысли ни о чем. Видно будет...

Тук на ходу пересчитал деньги, взятые нами трофеем. Оказалось тридцать два су и двадцать денье. И еще четыре обола. По нынешним временам совсем неплохо. А с учетом того, что мои собственные деньги пока не тронуты, даже отлично. В средствах ограничений нет, и есть еще полный мешочек золотых и серебряных безделушек. Я хотел поначалу заставить шотландца вернуть их хозяевам, но потом понял, что не стоит. Чересчур уж благородно...

Неплохо стычка прошла, очень полезно, и не только в материальном плане. Общение с Исааком много дало для моего понимания эпохи и немного сблизило меня с ней.

Самой схваткой я тоже остался доволен. Именно результатами, а не своими действиями. Бойцы из разбойников никакие, разве что их главарь посильнее, но посильнее только в физическом плане. Как боец тоже никакой. А вот действовал я медленно. Очень медленно... Придется сильно попотеть, возвращая свою прежнюю форму, «сломать» новое тело и научить всему заново. Не страшно, больше тренировок с практикой – и все будет в порядке... Ха... Если раньше не зарубят, конечно.

Тук вообще оказался бравым воякой – под стать своему прообразу. Стреляет хорошо и рубится неплохо. Хорошая находка. Так что не все так плохо, шансы на выживание в этой эпохе есть, главное – приложить к этим шансам еще немножко удачи. Ко двору пришлось бы знания... но их нет.

Забрезжили просветы в лесу, и скоро мы выбрались на неширокую грунтовую дорогу, на которой кое-где проглядывали замощенные тесаными камнем участки, очевидно еще римской работы.

И сразу я увидел местных обитателей, то есть население. Люди шли мелкими группками по дороге, таща свои скудные пожитки в руках и тележках. В основном женщины, дети и старики. Мужчин было совсем мало. Все грязные, оборванные и изможденные. Со следами побоев и насилия...

Да это жители Лектура спасаются от побоища... Точно, больше некому. Ювелир же рассказывал, что город практически сровняли с землей, а жителей почти всех истребили.

Люди проходили мимо меня и опасливо прижимались к обочине, снимая шапки и кланяясь... не хватало еще, чтобы кто-нибудь опознал меня, но выяснить обстановку все же следует...

– Ты... Да, ты.

Я указал рукой на молодого парнишку лет пятнадцати, с разбитым в кровь лицом и перевязанной рукой, которой он придерживал на плече корзину с пожитками. За его порванную блузу цеплялись два ребенка. Мальчик и девочка, возрастом лет по пять каждый.

– Приблизься.

– Да, господин. – Паренек низко поклонился и положил корзину на землю.

Детки спрятались за его спину.

– Откуда идешь?

– Из Лектура, господин. – Парню явно было больно, и он придерживал перевязанную руку другой рукой.

– Что сейчас там?

– Смерть... – мрачно сообщил парень. – Резня продолжается. Говорят, руа франков приказал убить всех.

– Значит, войска еще там?

– Ночью были еще там, а сейчас не знаю, господин...

Вот, собственно, все, что я хотел узнать. Посмотрел по сторонам и, увидев, что образовался промежуток между группами беженцев и рядом никого нет, нашарил в мошне несколько серебряных монет и отдал пареньку. Больше ничего, к сожалению, я сделать не могу, как бы ни хотел.

– Потратить эти деньги с умом... – бросил я изумленному беженцу и тронул поводья Родена.

Надо двигаться. Если повезет, то кортеж с мачехой отправится в путь только сегодня, и есть шансы где-нибудь его перехватить.

Проехали несколько лиг, коней не погоняли, они шли легкой рысью, быстрее пока смысла нет. Дорог в Родез несколько... Вот и гадай, по которой из них повезут мачеху. Мда... затея моя, несмотря на благородные задачи и все такое, пахивает идиотизмом все больше.

Время шло к обеду, и мы, съехав с дороги в лесок, остановились перекусить.

– Ваша милость... – Тук раскладывал припасы на походной скатерти. – Дозвольте поинтересоваться.

– Давай...

Настроения разговаривать у меня не было, но слуга на то и слуга, чтобы развлекать своего господина. Может, что интересное скажет...

– Куда мы едем, ваша милость?

– Тебе не все равно?

– Нет, конечно. – Шотландец бросил на меня взгляд, проверяя, не разозлил ли господина его дерзкий ответ.

– Почему, изъяснись, а то получишь в голову.

– Ну как... Судьба моя связана с вами. Куда ваша милость, туда и я. Даже если вы направляетесь в пекло. Но все же хотелось бы знать: туда ли? Я хотя бы приготовился.

– В пекло? – Я взял кусок мяса, критически осмотрел его и взял другой. – Нет, не в пекло. В Родез.

– Если я спрошу вашу милость, зачем мы туда направляемся, вы будете ругаться? – На лице шотландца промелькнула лукавая улыбка.

– Уже спросил. Все-таки надо тебя вздуть, бестия хитрая. Не знаю, что тебе ответить... пока не знаю. Возможно, придется драться. Будешь?

– Обязательно, ваша милость. Это приятнее, чем поклоны бить. Что может быть лучше, чем горячая схватка и кровь врага на клинке? – убежденно заявил шотландец.

– А умереть не боишься? – поинтересовался я.

Мне показалось, что Тук отвечал совершенно искренне.

– Нет... – Шотландец помотал головой. – Для мужчины смерть с оружием в руках почетна.

– А пекло?

– Мне место там гарантировано. Так что не стоит и трепыхаться.

– Не юродствуй. Все могут быть спасены... и вознесены... – Попытался вспомнить какие-нибудь цитаты из Библии – и не вспомнил, поэтому решил дальше не продолжать.

Тук не ответил, молча перекрестился, достал из переметной сумы небольшой бочонок и положил к еде.

– Что это?

– Это, ваша светлость, тот напиток, про который благочестивый аббат Виталь дю Фур сказал так. – Тук приосанился и продекламировал с научным видом: – «Если пить арманьяк умеренно, он обостряет ум, помогает вспомнить прошлое, веселит, продлевает молодость и заставляет отступить немощь; излечивает подагру и язву при употреблении внутрь, а раны – при наружном применении, уменьшает зубную боль. Робкому человеку полезно подержать арманьяк во рту – это развязывает язык и придает смелость». – Шотландец плеснул на донышко деревянного стаканчика темной жидкости и протянул мне: – Это жженое вино, аббат назвал его «арманьяком», мне разочек довелось допить остатки после нашего настоятеля: отличная штука, ваша милость, хоть и не имеет изящества благородного вина. Надо употреблять осторожно, ибо арманьяк крепок и очень коварен.

М-да... Арманьяк. В Гаскони же нахожусь, на родине этого славного напитка. Пивал, пивал... до сих пор дома в баре непочатая бутылка «Le Bas-Armagnac» стоит. Стоит... стояла... и не у меня уже точно... Людка квартиру к рукам приберет. Да и бог с ней. Уже не имеет никакого значения. У меня сейчас... гипотетически, конечно, парочка замков есть.

Взял стаканчик и осторожно попробовал... Тьфу ты... а я-то думал, что божий нектар сейчас вкушу. До настоящего арманьяка этому пойлу – как до Пекина в известной позиции. Грубый вкус... Нет, сходство с потомком прослеживается, но не то... Явно не то. Нет благородства. Видимо, с веками его производство отладили и отшлифовали, а пока... пока и так сойдет. Во всяком случае, пить можно... хотя бы в качестве антисептика.

М-да... разочарование...

– Ты где его нарыл?

– Ну так... из воза жидовского забрал... – Тук смутился. – Неча поганить благородные напитки нечистыми руками.

– Я тебе разрешал их грабить? – поинтересовался я.

Не-э-э... разброд и шатания надо пресекать в самом зародыше. Ты смотри... какая средневековая непосредственность.

– Нет, ваша милость... – Тук скорчил виноватую рожу.

– Ну и ладно... – решил вдруг смиловаться.

Все-таки парень для меня старался... да и не обеднеет от этого ювелир.

– В следующий раз спрашивай, что можно, а чего нельзя. Понял?

– Понял... – повеселел шотландец. – Тут это... Ваша милость... не мешало бы провианта добыть. Еды уже совсем мало, да и зерна для лошадок приобрести не мешает. Особенно для вашего жеребца, ему травки мало.

– И что ты предлагаешь? – Я отправил в рот последний кусок сыра.

А за ним пойдет ветчина с хлебом – и все... больше еды нет. В магазин сходить надо... тьфу ты, черт... ага, в супермаркет. Придурак! Неожиданно для себя разозлился... да и шоссы эти постоянно сползают... Дурацкая средневековая мода. Изловлю первого попавшегося портняжку и совершу прорыв в порточном деле, научу его шить нормальные штанцы.

– Надо к постоялому двору выдвигаться, там все и купим, – пояснил Тук. – Он обязательно должен стоять на этой дороге. По ней же паломники постоянно ходят... Эх, если бы вы знали, какие паштеты тут делают...

– Тук, ты осел. Это моя земля, и я знаю, что здесь делают, а чего – нет!.. – заорал я, пытаюсь отвязать гульфик.

Приспичило, как назло, в кустики сходить, а шнурки... да что же это такое...

– Ой... Ваша милость... Я запомнил... – Шотландец побледнел, понимая, какой упорол косяк.

– Фу-у-у... – Наконец справился с завязками и уже из кустов свирепо, совсем по-петровски, у Толстого же читал... рывкнул: – Смел ты стал, собака, смотри: три шкуры спущу, сволочь! Собирайся, поедем к чертову постоялому двору. И только попробуй сейчас что-нибудь вякнуть, скотина!

Из кустов вышел уже немного подобрешим. Это был не я... Я довольно милый, добрый и толерантный человек: так мне, по крайней мере, все в глаза говорили, а того, что за спиной вякали, я из принципа не замечал. Это во мне бастард шалит, и Средневековье отпечаток накладывает... Да, хорошо сказал. Именно Средневековье.

Тук моментально все собрал, и мы двинулись дальше по направлению к Лектуру.

Дорога была совершенно пустынной, только разок мимо протопали босыми пятками четыре мужика в белых балахонах с нашитыми на них раковинами, похожими на эмблему «Шелл». Паломники... кто еще так изгаляться будет. Спасения ищут. М-да... Просящий да обрящет... Кто ищет, тот всегда найдет. В том числе и неприятности на свою голову. Вот как я, например.

С правой стороны началась довольно высокая протяженная возвышенность, на склонах которой рос виноград, а дальше пошли грушевые и яблочные сады. Культурненько так. Все ухоженное.

– Тук, ты что молчишь? Рассказывай. – Мне надоело ехать молча.

– Что рассказывать-то, ваша милость? – буркнул шотландец, все еще дуясь на мою немотивированную агрессию в его сторону.

Это если в духе двадцать первого века сказать, а по меркам окружающей эпохи по-другому будет звучать. Как бы правильнее сформулировать... ага... дуясь на мое справедливое желание проявить право господина на наказание своего слуги. Да, именно так.

– Какие у вас девки в Шотландии? Дают?

– Ну, какие дают, а за каких и голову могут срубить, – оживился Тук. – Эх, девок бы...

– Это да... – согласился я, прислушавшись к своему организму.

– А вот вы знаете, ваша милость, какой у нас национальный символ?

– Чего? Чертополох, кажется... или юбки ваши?

– Не юбки, а килты, ваша милость. Попробуйте по горам в шоссах побегать, враз «юбку» оденете. Да, чертополох. А знаете почему?

– А хрен вас, шотландцев, поймет. Напихали полный зад колючек врагам в древности или вам напихали?

– Не-э-э... – хохотнул шотландец. – Как-то спустились шотландцы с гор встретить людей еловых лесов на побережье, но пока добирались, устали, да и пива перебрали. Решили стать на ночлег, а с утра уже разобраться с врагами. Но ночью враги, сняв обувь, решили тихо подкрасться, и один из них наступил на чертополох. Завопил. Предки проснулись и навалили незваным гостям по первое число. С тех пор у нас чертополох называют «the Guardian».

– Кто такие люди еловых лесов?

– Северяне. Даны. Предки с ними не ладили... Ваша милость, стойте... – Тук прищипнул свою лошадь и выскочил вперед, прикрывая меня. – Там кто-то есть...

За поворотом стояло несколько телег, валялись трупы лошадей и людей.

А еще – несколько воинов сноровисто обыскивали мертвецов и имущество. Это были не разбойники, а вполне строевые солдаты, и их было много, человек двадцать. Рядом с ними расположились несколько всадников, в грабеже они участия не принимали, только что-то повелительно покрикивали.

– Это вольные лучники руа франков, – встревоженно сообщил Тук, – они нас уже заметили. Попробуем скрыться?

– Не суетись... Едем, как ехали, и помалкивай. – Я направил жеребца в сторону всадников.

А что мне еще оставалось делать? Щит со своим гербом я спрятал, так что буду косить под Сегюра. Уйти уже не успеем, лучники быстро ежиков из нас понаделают. Наслышан... Да и не к лицу благородному кабальеро непонятно кому тылы показывать. Это не бастард во мне говорит, это я сам в полной памяти и сознании заявляю. Или не в сознании...

Рассмотрел солдат. Точно лучники. Кожаные короткие штаны, доспехи тоже почти у всех кожаные, железные шлемы, похожие на перевернутую суповую миску, короткие широкие мечи, больше похожие на большие ножи. Длинные луки и колчаны. И не двадцать их, а гораздо больше – чуть подальше еще группа стоит. А вот всадники больше похожи на кабальеро. По крайней мере, один из них, сидевший на мощной вороной лошади в защитном снаряжении, облаченный в полный миланский доспех и шлем-армет. Остальные сидели на лошадаках помельче, да и одеты не так пышно, в основном в хауберки. Свита, скорее всего.

Один из свиты, заметив нас, выкрикнул короткую команду. Лучники мгновенно бросили мародерствовать и выстроились в ряд.

Рассмотрел на щите у кабальеро герб. На желтом фоне – синий лев с красными когтями, ставший на дыбы... темный лес для меня; а вот на синей котте – золотые лилии, это уже знакомо. Тотемы Луи.

Кабальеро дождался, пока мы подъедем, и, тронув шпорами коня, заставил его сделать несколько шажков нам навстречу.

– Виконт де Граммон, лейтенант вольных стрелков его величества, – представился он, подняв забрало шлема. – С кем имею честь беседовать?

– Шевалье де Сегюр, – представился я в свою очередь.

– Ваша милость... – склонил шлем в приветствии де Граммон.

– Ваша милость... – ответил я тем же.

– Позвольте поинтересоваться целью вашей поездки. – Голос де Граммона немного смягчился.

На долю секунды задумался, а не пора ли мне бить его перчаткой по морде за дерзостные вопросы, и пришел к выводу, что нет. Не пора. Соотношение один к пятидесяти не способствует излишнему проявлению гордыни, и все такое.

– Следую в Арагон исполнить обет свой.

– Я не сомневаюсь, что цель вашего обета – истребление богомерзких мавров, – оживился мой собеседник, и я заметил, что, несмотря на габариты, виконт еще очень молод. Вон борода-то – как у телушки на...

– Позвольте сохранить мой обет в тайне, виконт, однако замечу: он направлен на прославление и укрепление христианской веры, а также прославление моей дамы сердца, – завернул я в ответ, согласно своим представлением о рыцарстве, естественно почерпнутым из книг и своей фантазии.

– О-о-о... не сомневаюсь, вы покроете свое имя славой, – пылко ответил де Граммон. – Однако почему же вы не называете имя своей дамы?

– В этом и заключается мой обет... – вежливо выкрутился я.

Как просто: обет – и все... хоть кол на голове теши. Наивные люди...

Виконт оживился еще более и стукнул себя по правому плечу, на котором был закреплен дурацкий бант с лентами серебряного и желтого цветов:

– Шевалье де Сегюр, моей дамой сердца является графиня Аделаида де Шато-Рено, самая благочестивая и прекрасная дама на этом свете. Не согласитесь ли вы засвидетельствовать это прилюдно и громогласно?

М-да... Кино и немцы... Ну кто меня за язык тянул приплетать даму? Так засвидетельствовал бы – и до свидания. Нет же... ляпнул. Теперь признаю – и заплюют. Собственный слуга в спину тыкать пальцем будет.

К виконту приблизился немолодой дядька с пышными усами, торчавшими из хауберка, и что-то тихонько шепнул. Отговаривает, что ли?

Не... Не получилось.

Де Граммон, не глядя, отмахнулся и уставился на меня.

Мужик еще раз шепнул и, не дождавшись ответа, покачивая головой и бормоча что-то, отъехал в сторону.

– Я не могу признать графиню Аделаиду де Шато-Рено самой прекрасной и благочестивой дамой, так как моя дама сердца обладает этими достоинствами превыше всех остальных... – наконец выдавил из себя и услышал, как восхищенно охнул Тук за моей спиной.

– В таком случае... – обрадовался де Граммон. – В таком случае, истину определит поединок.

М-да... Молодому балбесу не терпится с кем-нибудь подраться... а еще лейтенант лучников его величества руа франков Луи XI... Тьфу... Вот как это называется? Третий день как в этой эпохе, а уже четырех жмуров на свой счет записал... и вот пятый намечается. Увы мне, увы...

– В таком случае истину определит поединок, – обреченно согласился я. – Выбираю поединок на мечях без щитов.

– В каком смысле – «без щитов»? – озадачился де Граммон.

– Согласно новомодным правилам поединков, принятым в среде благородных кабальеро, вызываемый выбирает оружие, на котором предстоит сражаться, – охотно подсказал я.

Вот никак мне не улыбается пыряться копьями на лошадях. Не умею я, да и копий этих у меня нет. Чертов бастард, когда улепетывал из Лектура, посеял их где-то. И слава богу; а щит вообще для меня зло...

– Ну... это, наверное, самые последние правила... – даже покраснел де Граммон, – я не имел возможности к ним приобщиться. Все на войне да на войне...

– Я в любом случае уверен в вашем благородстве, виконт, – блеснул я куртуазностью. – Но что это мы? Давайте сражаться.

Выбрали в стороне от дороги ровную полянку. С лучниками на дороге остались сержанты, а Граммон с пажом, оруженосцем и тем самым усатым дядькой, как и я с Туком, стали готовиться к поединку.

Граммон спешил и потянул из седельных ножен здоровенный полуторный фламберг. В своем полном миланском доспехе и с этой «пилой» в руке он выглядел эпически.

Я сначала напялил шлем на голову, но потом плюнул, снял и отдал его Туку, вылупившему на меня удивленные глаза. Вот как ему объяснить, что я, кроме мотоциклетных, никаких шлемов сроду не надевал.

Де Граммон, разминаясь, выписывал фламбергом вольты с такой скоростью, что по поляне ветерок шелестел. Увидев меня с эспадой в руках и без шлема, ехидненько улыбнулся, но смолчал, куртуазничать не стал. А его спутник вообще ухмыльнулся во всю свою усатую рожу.

Ну ладно, господа, небось уже имущество мое оглядываете? Посмотрим... Хотя мечом парень впечатляюще машет...

– Ну что, приступим? – заявил лейтенант в нетерпении срубить мне голову или чего там еще.

– Приступим... – Я внимательно осматривал доспех де Граммона в поисках уязвимых мест и никак не находил. Куда ж тебя пырнуть, салабон: под мышку, что ли...

– Э-э-х... – Лейтенант не стал тратить время на лишние разговоры, мгновенно сорвал дистанцию и рубанул фламбергом сверху вниз, на полпути переведя удар в диагональ.

Ого... вот это скорость! Я едва успел отскочить и достать его кончиком эспады по забралу. Впрочем, без особого успеха. Сталь звякнула о сталь, даже искра проскочила,

но на лейтенанта это не оказало ровно никакого воздействия. Он рыкнул и рубанул меня по коленям.

Молясь, чтобы клинок выдержал, вскользь отпарировал удар эспадой, сбив его меч так, что фламберг врезался в землю, и от души рубанул в щель между шлемом и горжетом, а потом, подскочив, еще два раза ткнул дагой, целясь в шов на кирасе...

Однако! Эспада попала, куда целился, но удар, не пробив броню, только заставил лейтенанта покачнуться. А вот дагой я просто не попал. Навыка-то почти нет...

Де Граммон заревел, выпрямился и вслепую наотмашь махнул фламбергом, едва не снес мне голову.

– Nu, karpets tebye, salabon!.. – разозлившись, рявкнул я по-русски.

Чуть не срубил мне башку, поганец...

Пользуясь тем, что фламберг от размашистого удара увело в сторону, в расхлест три раза рубанул по шлему резвого виконта, сплющив забрало и вмяв верхнюю часть внутрь вместе с плюмажем, и вдобавок сделал еще одну вмятину сбоку, в районе уха.

Удары раздались звонко, де Граммон выронил фламберг из рук, шлепнулся на колени, потом ничком повалился на траву.

Так... Дело сделано, а что дальше? Вроде у меня для таких целей «свинокол» граненый есть... Только что-то не хочется виконта добивать...

Дядька с усами встревоженно вскрикнул, очевидно, усмотрев на моем лице кровожадные намерения, но с места не сдвинулся.

Нет, не буду добивать. Даже если не захочет сдаваться, не буду. Неплохой парень. Не грубил...

Подошел к телу и попытался поднять забрало... Хрен там, заклинило намертво, но крови не видно; значит, живой. Подоспели оруженосец с усатым, и общими усилиями мы наконец-то стянули железный горшок и подшлемник с головы виконта.

Де Граммон оказался целехоньким, если не считать здоровенной шишки, на глазах вспухающей на лбу.

Оруженосец брызнул водой ему в лицо, и парень, замычав, очнулся, поводя вокруг ошеломленными глазами.

– Виконт де Граммон, вы побеждены, но так как я, согласно данному обету, не могу объявить вам имя своей дамы сердца, освобождаю вас от признания ее исключительных добродетели и красоты... – вывел я формулу, самому себе не очень понятную.

Ну а как... Еще начнет кобениться, и придется во исполнение традиций рыцарских приколоть его. Дикие люди, однако... Средневековье, ёптуть...

Лейтенант тоже не совсем понял, что я сказал, но очумело кивнул головой.

Рядом облегченно вздохнул усатый, и они вместе с оруженосцем и пажом утащили парня в сторону, где стали его разоблачать и всячески хлопотать, приводя окончательно в чувство.

– Ваша милость... это было... это было!.. – раскудаhtался Тук, помогая мне присесть на попону.

Устал я... вроде ничего особо изнурительного не произошло, а ноги дрожат и дыхалка сбилась... не мое тело, не мое... тренироваться еще и тренироваться.

– Позвольте представиться. Шевалье Рауль де Люмьер, – подошел ко мне усатый мужик. – Виконт де Граммон уполномочил меня провести переговоры о выкупе его доспехов, оружия и коня.

– Какие ваши предложения? – У меня не было особого желания торговаться.

Хотелось свалить как можно подальше, и побыстрее. Мало ли что у них на уме: сейчас кликнут лучников, и поедешь в Бастилию за надругательство над королевским лейтенантом. А там и плаха недалеко.

А с другой стороны...

Поединок был – был.

Я победил – победил.

Отказываться от трофеев – значит полностью выйти из образа. Сомневаюсь, что бастард поступил бы подобным образом.

– Десять золотых франков, – озвучил цену усатый и слегка смутился.

Сколько? Кажется, меня хотят обмануть? Промолчал и только удивленно приподнял правую бровь.

– Десять франков и десять су, – решительно рубанул ладонью усатый.

– Вы это серьезно, шевалье? – протянул я, всматриваясь в усы собеседнику.

Я, конечно, в ценах пока не очень соображаю... скажем даже – совсем не разбираюсь, но совершенно ясно, что меня хотят самым наглým образом надуть. Нехорошо... а еще кабальеро.

Усатый смутился. Он уже скинул кольчужный капюшон, и на усатой роже хорошо просматривались черты продувной бестии.

– Десять франков, десять су – и мы можем предложить вам некоторые ценные вещи в счет погашения долга, – внес он существенную поправку.

Это уже лучше, а если немного поиграть с рыцарским гонором...

– Шевалье, как бы вам сказать... Спорили мы с виконтом о достоинствах наших дам сердца, поэтому я не хочу осквернить благородный поединок низменной торговлей. Я могу принять любую сумму без обсуждения.

Тут уже вмешался сам де Граммон. Приковылял и заявил, что он не может принять от меня такой щедрый подарок. Поединок был, он проиграл и теперь должен передать в мое распоряжение коня, доспехи и оружие. Или выкупить их у меня. Так было, будет, и вообще шевалье де Сегюр, то есть я, может своей неоправданной щедростью оскорбить виконта де Граммона.

– Ни в коем случае, виконт. Но...

– Жюль де Граммон всегда платит свои долги! – надменно рявкнул лейтенант и подозвал своего пажá: – Робер, бегом в обоз за моими вещами!

– Хорошо, ваша милость... – Паж испарился в мгновение ока, и через несколько минут вернулся с крепкой лошадкой, нагруженной вьюками.

На поляне расстелили ковер, бросили несколько подушек. Паж Жюля притащил бурдюк с вином, кубки, нарезал на блюде копченый окорок и сыр. Лейтенант и его усатый спутник расположились напротив меня, его окружение – в стороне, а Тук – позади меня.

Вот это другое дело. Процесс стал меня захватывать, торговаться я люблю: наверное, в бабушку пошел. Она, пока продавцов на рынке до слез не доводила, не успокаивалась.

Рауль де Люмьер, тот самый усатый, первым взял слово:

– Я думаю, шевалье, нам стоит для начала определить полную стоимость имущества, положенного вам, согласно правилам проведения поединков.

Я вежливо кивнул, соглашаясь с ним. Послушаем.

– Мы оцениваем имущество в триста турецких ливров, – важно заявил Люмьер. – В эту цену входят дестриер, боевой доспех для коня, полный боевой доспех виконта и оружие, находившееся при нем и при коне во время поединка. То есть фламберг, секира, кинжал, мизирекорд, тройной моргенштерн на короткой ручке и арбалет.

Я сразу не ответил, изображая раздумье. Изображал для шевалье и виконта, а сам лихо-радочно пытался сообразить: что такое турецкий ливр? Вот не сталкивался я еще с такой монетой. С конскими франками, су, денье, оболами – да. А с турецким ливром – нет. Вся эта груда железа с конем в придачу должна стоять по нынешним временам достаточно много. Но сколько? Твою же кобылу в дышло... Ну что мне стоило в историке пойти...

Вдруг я услышал, как сидевший позади меня Тук пробормотал:

– Хорошая цена...

Усатый тоже услышал его слова и поинтересовался:

– Просветите, пожалуйста, нас, шевалье, в каком статусе находится ваш спутник.

Имеет ли он право участвовать в нашем разговоре?

– Уильям Логан из клана Логанов, лэрд Шотландии. Выступает в статусе моего эску-деро и готовится к посвящению в сан кабальеро. – Я грозно уставился на усатого, выпалив эту тираду с незнакомыми мне терминами... ага, бастард подсказал. – К тому же, шевалье, он не участвует в разговоре, а оказывает необходимую помощь мне, согласно вассальному долгу. Вы против этого, шевалье? В таком случае...

– Нет проблем, шевалье, – поспешил заявить усатый, – это ваше право. Ну так как, вы согласны с ценой?

– Согласен, – важно кивнул я.

– По праву победителя вы можете потребовать вышеперечисленные предметы или согласиться на компенсацию деньгами либо иными ценными предметами, – заученно произнес усатый. И горестно вздохнул.

Ага... приходилось тебе уже торговаться... или де Граммон успел до меня на кого-то нарваться, либо тебя самого приголубили. Ну что ж... Доспех и конь знатные, но раздевать лейтенанта королевских лучников чревато непредсказуемыми последствиями. Де Граммон и де Люмьер, конечно, благородные кабальеро, возражать не будут, но и, скорее всего, ничего не заметят, когда лучники, пылая справедливым гневом за обиду, нанесенную их командиру, сделают из нас ежиков.

– Насколько я понимаю, вы не располагаете вышеназванной суммой. Поэтому я соглашаюсь на компенсацию иными предметами, – сделал я свой ход.

– Отлично. Для начала получите десять франков и десять су, – Люмьер выложил на ковер монеты, – а в качестве разницы виконт может предложить вам следующее...

Паж распаковал вьюки и разложил вещи на ковре.

Ого... Много всего. Мое внимание сразу привлекла эспада, лежавшая поверх остального добра. Красивое оружие. Ножны украшены червлёным серебром, без аляповатости, в меру. Чувствуется вкус у мастера.

Эфес сложный, корзинчатый, витые дуги переплетаются, хорошо закрывая руку и образуя своеобразный узор, стилизованный под растительный. Навершие отлито в форме головы льва с изумрудными глазами. Стильная эспада, черт подери...

Потянул клинок из ножен... Да он в форме фламберга выкован! Изгиб волны не ярко выражен, мешать скользющему парированию не будет, и вместе с тем – рубящие удары таким клинком наносят ужасные, долго не заживающие раны. Тут все дело в заточке, она двойная, что-то наподобие пилы. Клинок подлинней моего будет, а весит ненамного больше...

– Эта эспада работы мастера из германского Золингена, – пояснил де Граммон. – Дорогая вещь, рубит доспех как масло. Мне ее подарил сам руа Луи.

– Не знаю... легковата, – изобразил я сомнение, хотя уже решил, что клинок не отдам. – Во сколько вы ее оцениваете?

– Мы оцениваем ее в двадцать турецких ливров... – поспешил де Граммон, заставив поморщиться усатого.

Я посмотрел на лейтенанта. Простодушное лицо, совсем молодой, а хитрить пытается...

– Виконт, я пойму, если вы оцените в эту сумму ваш полоторный фламберг. А это игрушка...

– Секретом производства стали, из которой сделана эта игрушка, владеет всего один мастер на всю Германию. Это же работа самого Амбруаза Ройтенберга. Посмотрите, шева-

лье, на орнамент на клинке, – возмутился Люмьер. – Так больше никто не украшает. Ей цена двадцать пять ливров, не меньше.

Клинок матового серо-синеватого цвета был покрыт узором из переплетающихся виноградных лоз...

Я посмотрел на лейтенанта:

– Так сколько?

– Я уже оценил ее в два десятка... – буркнул де Граммон, не смотря на де Люмьера. – Пускай так и будет.

Продешевил лейтенант. Ну, извини, никто тебя за язык не тянул.

– Согласен. – Я передал клинок Туку.

Взял с ковра небольшой металлический баклер. Всего сантиметров тридцать в диаметре. Такие, насколько я помню, кулачковыми щитами еще называли.

– Работа английских мастеров. К нему еще прилагается вставной шип, – опять не удержался де Граммон, но цену предусмотрительно не назвал.

Красивый щит. Накладки узорные, из бронзы, кажется. И самое главное – не тяжелый. Припоминаю, что еще до того как даги перестали быть оружием простолюдинов, существовал специальный благородный стиль фехтования, который так и назывался: «Эспада и баклер».

Вещь нужная. Мой тарч тяжелый, с ним управляться еще учиться надо, а если случится... не дай бог, конечно, против нескольких противников рубиться, совсем без щита не обойтись.

Я вопросительно посмотрел на усатого, понимая, что именно он назовет цену, и не ошибся.

– Ливр, – озвучил сумму Люмьер. – Большая редкость. Сейчас таких уже не делают. Сами понимаете, шевалье, мы предлагаем его только из большого уважения к вам.

– Очень признателен... – кивнул я. – Пусть будет так.

Стоит минимум треть заявленной суммы. Да и ладно. Вещь нужная, тем более что неизвестно, когда я еще получу возможность пополнить свой арсенал. Пускай считают, что надули. Еще себя кабальеро называют. Цыгане...

Следующим лотом шел походный поставец серебряной посуды удивительно тонкой работы, на четыре персоны, в маленьком чемоданчике из тисненой кожи. Не знаю, как здесь, а в современности этот набор достоин стоять на королевских столах... или у олигархов, что равноценно, если даже не престижнее. Нынче, то есть в будущем, короли измельчали-то, не чета нынешним... Тьфу ты... совсем запутался. Будущее – прошлое. Короче, поставец богатый. Как раз мне к лицу. Люмьер и Граммон заломили за него целых двадцать пять ливров, мотивируя тем, что это работа известных турецких ювелиров, и одного серебра в нем пять фунтов. Опять где-то соврали...

– Да зачем он мне? Я привык жить по-походному. Эта роскошь расслабляет...

– Не скажите, шевалье. Мы сами привыкли к походному быту, однако бывают случаи, когда требуется соответствовать своему положению. Вам этот набор как раз подойдет, – попробовал польстить мне Люмьер.

– Ну, раз вы так считаете... – с сомнением повертел поставец в руках. – Двадцать ливров, говорите...

– Двадцать пять, красная цена – двадцать пять. Но вам отдадим за двадцать три, – заспешил Люмьер и, пока я не передумал, сунул мне в руки еще и большой кубок. – Венецианская работа. Таким не стыдно салютовать за столом у лиц царственной крови, и всего за пять ливров.

Тьфу ты... Торгаш какой-то, а не кабальеро. А где благородство и куртуазность?.. Нет, в книгах вас гораздо благороднее описывают.

Кубок как кубок. На литр, если не больше. Тоже серебряный, с вставками из эмали, расписанными сценками псовой охоты. Грубо обработанные гранаты по ободкам. Тяжелый. Ладно, берем. Тука-то посудой я обеспечил, да еще римской, раритетной даже в Средневековье, а сам из бурдюка винище хлещу. Вот теперь все как положено.

– Три... и только из большого уважения к вам, – назвал я свою цену.

Де Граммон вознамерился что-то сказать, но Люмьер его опередил:

– Три и десять солей.

Вот зараза... торгош, чистый торгош, а не кабальеро.

– По рукам, и еще бурдюк этого замечательного вина. – Я отпил из кубка. – Кстати, откуда оно?

– Из Коньяка, – объяснил де Граммон, повергнув меня в изумление. – Сорт винограда называется Финь-Шампань.

Вот так... Шампань из Коньяка. Идет вразрез с моими знаниями – хотя все правильно. Коньяк еще не изобрели. Арманьяк есть, а коньяка еще нет. А Финь-Шампань – это тот сорт винограда, из которого коньяк и будут делать. Все равно вино замечательное. В меру терпкое, с легкой игристостью. Куда там современной порошковой бурде.

– Вы получите вино, шевалье, – не смотря на кислую рожу де Люьера, заявил де Граммон. – Я хочу вам предложить вещь для истинных ценителей.

– Вы меня заинтриговали, виконт.

Лейтенант кивнул пажу, и тот развернул небольшой сверток.

Шахматы... Черт подери, шахматы. Открыл резную шкатулку из сладко пахнущего сандалового дерева и взял в руку фигурку из нефрита. Искусно вырезанный бородастый мужик в митре и мантии. Ферзь? А это его оппонент из слоновой кости. Крепостная башня... Это тура. А вот мужик в короне сидит на троне со скипетром в руках – король. Кони есть, а слонов что-то не вижу. Вот пешки в виде пеших воинов в конических шлемах, кольчугах, с мечами и щитами. Шахматная доска не складывается, стоит на золотых ножках в виде львиных лап. Квадраты из эбенового дерева и белой кости... по рантам инкрустации из золотых и серебряных пластинок...

– Сколько? – сам по себе вырвался вопрос.

Я хочу обладать этими шахматами, пускай даже они покроют весь долг де Граммона.

– Три... – начал лейтенант, но его перебил Люмьер.

– Пятьдесят ливров, шевалье, – непреклонно заявил он.

– Сколько? – в изумлении переспросил я. – Это же цена отличного курса.

– Они стоят того. Их делали в Милане, на заказ для Филиппа III Бургундского, а он проиграл их в кости моему отцу, – надувшись, заявил виконт.

Врет, собака... так... пятьдесят... да я еще даже на сотню не набрал. Беру, не торгуясь, добра еще много... компенсирую.

– Хорошо, – согласился я, вызвав кучу положительных эмоций на лицах шевалье и виконта.

Не удержался и поубавил им радости:

– В придачу к шахматам пойдут четыре мешка фуража моим лошадям и вот эта сумочка.

Я выудил из кучи вещей мужскую поясную сумку, расшитую золотом и жемчугом.

Особо радости я не убавил; похоже, они все-таки надули меня порядочно. Да и ладно. Все равно в прибыли.

– Посмотрите на этот арбалет, шевалье. С пятидесяти шагов пробивает насквозь человека в полном доспехе. – Люмьер подал мне арбалет. – Немецкая работа. Всего три ливра.

Арбалет как арбалет. Тетива взводится речным коловоротом. Вся деревянная часть вырезана из светлого дерева в форме какого-то мифического чудища. Прикладом служит

свернутый в дугу его хвост. Дуги металлические, с золотой гравировкой. По ложу костяные резные накладки. Можно вешать за специальный крюк, как к поясу, так и к седлу. Чуть меньше и легче моего. А он мне нужен?

Подставил свой кубок пажу, дождался, пока он его наполнил, отпил и передал арбалет и тул с болтами Туку. Пригодится. Шотландец будет таскать мой, а я – этот. Подучиться стрелять бы из него не помешало.

Дальше виконт выставил шлем-салад со сдвижным забралом и как бонус – три павлиньих пера на плюмаж. Не знаю, чего ему было больше жалко: шлема или перьев, но рожа при этом была довольно скорбная.

Шлем вместе с перьями забрал за семь ливров. Переплатил, конечно, безбожно, но мне он показался более удобным, чем мой барбют, по размеру пришелся впору, да и к моему готическому доспеху по цвету и стилю подходит. А перья на плюмаже – вообще отпад. Кстати, снимаются, можно менять на другие.

Беру и отдаю свой барбют Туку.

Следом в ход пошла глефа с изящным, хищной формы лезвием. По словам Люмьера – итальянской работы и тоже какого-то жутко знаменитого мастера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.